

Дарья Донцова

Вино дела

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Вынос дела

«ЭКСМО»

2000

Донцова Д. А.

Вынос дела / Д. А. Донцова — «Эксмо», 2000 — (Любительница частного сыска Даша Васильева)

Один за другим погибают сокурсники Даши Васильевой. Вылетевший из-за угла «Фольксваген» подмял под колеса переходившую дорогу Зою Лазареву. Дважды проехав по безжизненному телу, машина умчалась прочь. Кто сидел за рулем этого автомобиля? И не связан ли с этими убийствами таинственный Жок, на след которого по просьбе полковника МВД Дегтярева пытается выйти отчаянная любительница частного сыска Даша Васильева?

© Донцова Д. А., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	22
ГЛАВА 5	28
ГЛАВА 6	35
ГЛАВА 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дарья Донцова

Вынос дела

ГЛАВА 1

Мы сидели в небольшом кафе и пытались прожевать несъедобные булки, выдававшие себя за свежеевыпеченные хачапури.

– Нет, – пробормотал Андрюшка Крахмальников, – проглотить невозможно, с кофейком лучше пойдет.

– Пожалуй, – охотно согласился полковник Дегтярев и направился к стойке.

Через секунду Александр Михайлович вернулся, неся на подносике три пластиковых стаканчика, над которыми поднимались облачка пара. Тут же лежали пакетики. Я терпеть не могу растворимый кофе, но в этой забегаловке просто не варят ничего приличного, а на хороший ресторан ни у Андрюшки, ни у Александра Михайловича денег нет. Они всего лишь сотрудники МВД, да еще не берут взятку. Ну откуда, скажите, в такой ситуации у них возьмется тугой бумажник? Впрочем, могла бы сама пригласить их в любой дорогой ресторан, а потом преспокойненько заплатить по счету. У меня-то нет никаких финансовых затруднений, но Дегтярев и Крахмальников люди старой закваски. В их понимании мужик, обедающий за счет дамы, сродни сутенеру. Вот поэтому-то безропотно стараюсь отодрать от зубов кусок липкого теста.

Андрюшка повертел в руках пакетик с кофе и рассмеялся:

– Мне его нельзя пить, впрочем, тебе, Дарья, тоже.

– Почему? – в один голос спросили мы с полковником.

– А вот глядите, – продолжал веселиться майор, – на пакетике с обратной стороны написано: «Содержимое Саше насыпать в чашку». А Саша-то среди нас один – ты, Александр Михайлович. Интересное дело, а для Андрюши есть кофейек?

– Дай сюда, – велел Дегтярев и выхватил у приятеля из рук бумажный пакетик, где черным по белому, вернее, красным по коричневому была обозначена странная инструкция. – Что за чушь?

– Действительно чушь. И все потому, что слово «саше» написано с заглавной буквы. По-французски – это «пакетик», а вы так плохо в свое время учили язык, что ничего не помните.

– Ты мне в академии всегда с первого захода зачет ставила, – возмутился Александр Михайлович.

– Просто хотела от тебя побыстрее избавиться, – парировала я, – понимала же, что ты никогда язык Бальзака не выучишь.

– Ладно вам, – примиряюще поднял руки Андрюшка. – Дарья, спрячь шашку, у нас к тебе дело.

– Ко мне? – изумилась я. – Вы, как правило, предпочитаете держаться от меня подальше. Обзываете дурой, кричите, что сую нос куда не следует...

– Может, все-таки без нее обойдемся... – вздохнул Александр Михайлович.

Я испугалась и пробормотала:

– Ладно, ладно, шучу...

Андрюшка закурил, дым поплыл к потолку, и я моментально закашлялась.

– И звини, – сказал майор и принялся разгонять рукой вонючие клубы.

Надо же, какие они сегодня вежливые, ох, не к добру.

– Не томите и выкладывайте, зачем я вам вдруг понадобилась.

– Видишь ли, – завел Александр Михайлович, – мы тут ловили одного мерзавца. Отвратительный мужик. Сбирал дань почти со всех московских сутенеров, а кто отказывался пла-

титель, получал по полной программе. На первый раз подручные бандита били ослушника, а на второй могли и убить. Вот мы и занимались одним убийством. У парня целая структура, но никто не знает его имени. Известна только кличка – Жок. Но по картотеке никакой Жок у нас не проходит. Либо не сидел никогда, либо замаскировался. Организовал банду здорово, прямо Дон Корлеоне! Контингент разбит на пятерки. Старший выходит на десятника, и так дальше вверх. Чем ближе к главарю, тем меньше посвященных. Жока этого вообще только трое видели. Не поверишь, все по-разному гаденыша описывают. Один говорит – брюнет, глаза карие, в очках, борода, усы, рост примерно за метр семьдесят, размер этак пятидесятый. Второй твердит – блондин, голубоглазый, бритый, худощавый, даже хрупкий, рост около метра шестидесяти пяти. Третий вообще несет чушь – кавказец, горбоносый, страшно высокий. Даже о возрасте договориться не сумели. Разброс от двадцати до пятидесяти. На машине не ездит, передвигается где на метро, где общественным транспортом. Есть пейджер, зарегистрирован на Романа Мальцева. Мы проверили – Роман Кондратьевич Мальцев, 1970 года рождения, погиб в автокатастрофе два года тому назад. Мобильник тоже оформлен на этого Мальцева. Только телефоном он практически не пользуется. Впрочем, один раз засекли звонок, установили квартиру и приехали, а там бабуля сидит слепая, почти ненормальная, и бормочет: «Ничего не знаю, ничего не видела!» Ну не буду тебя утомлять. Словом, сумели сесть безобразнику на хвост. Вели, вели и привели в один дом, он за ворота – шмыг, и все! Ладно, думаем, проверим. Обстановка сама знаешь какая, вся страна взрывчатку по подвалам ищет.

Снарядили участкового, дали ему в подручные своего сотрудника. Ну они и пошли. «Здравствуйте, – говорят, – извините, в связи с террористическими взрывами проверяем проживающих».

Хозяйка, молодая, красивая, приветливо провела милиционеров в гостиную и охотно сообщила: «В доме прописаны трое – муж, дочь Варвара школьного возраста и я, но есть еще гувернантка, повар, горничная, садовник и шофер. Все москвичи».

Посмотрели документы у проживающих. Потом прогнали сведения через компьютер. Ничего! Добропорядочные граждане, никогда не конфликтовали с законом. Хозяйка нигде не работает, ведет светский образ жизни, знает почти всю Москву. Вчера на приеме, сегодня в театре, завтра на фуршете...

– А муж? – перебила я приятеля.

– Объялся груш, – вздохнул полковник, – держись за стул – депутат Харитонов.

Я присвистнула. Олег Андреевич Харитонов – известная личность. Его довольно часто показывают по телевизору. Адвокат, успешно сделавший карьеру на политическом поприще. С виду умен и интеллигентен, ни в каких драках или скандалах не замечен. Всегда безукоризненно одет, голос приятный – этаким мягким тенором. Лет ему скорее всего слегка за пятьдесят, но выглядит изумительно. Женат второй раз, причем и тут обошлось без неприятностей. Олег Андреевич не разводился, первая супруга умерла, вроде бы от рака. Вторая жена появилась года два тому назад, и я ее еще не видела.

– Ты его знаешь? – удовлетворенно отметил Крахмальников – Ну да у вас, богатеев, своя тусовка.

Я тяжело вздохнула:

– Встречаемся на всяких мероприятиях.

– Конечно, – закивал головой Андрюшка, – банкеты, фуршеты, презентации.

Я разозлилась:

– Хватит издеваться, сам знаешь, никогда не посещаю подобные сборища! Просто иногда не могу отказать близким знакомым. Макс, например, все-таки бывший муж.

– Конечно, – хихикнул полковник, – у тебя четверо экс-супругов, если каждый три раза в месяц позовет на вечеринку, уже двенадцать выходов получается!

– Прекрати, – возмутилась я, – великолепно помнишь, что Костик жадина и мало зарабатывает, Генка давным-давно в Америке, Кирилл болен... Один Максим только и остается.

– Ну что вы все время ругаетесь, – вздохнул Андрюшка.

– Он первый начал, – сказала я.

– Хватит, – буркнул Крахмальников.

– Да объясните, наконец, чего вы от меня хотите? – попросила я.

Полковник повертел в руках пластмассовую ложечку в светло-коричневых разводах.

– Понимаешь, дальше гостиной наших людей не пустили.

– Ну?

– Всех вызывали в парадную комнату – повара, шофера...

– Ну?

– Другие помещения посмотреть не смогли...

– И что?

– Парень, которого мы приняли за Жока, вошел именно в этот дом. Причем не с парадного хода и не со стороны кухни, откуда приходит прислуга. Там обнаружилась в ограде маленькая, ловко скрытая от посторонних глаз калиточка. Шмыгнул и исчез!

– А я при чем?

– При том, – начал кипятиться Александр Михайлович, – нам нужно как следует осмотреть все помещения и узнать, кто еще там проживает! Дом огромный, вроде твоего. Сколько у вас комнат?

– Двенадцать, пять ванн, кухня, террасы...

– Там побольше будет, не два этажа, как у тебя, а три...

– Все равно не понимаю...

– Господи, – в сердцах воскликнул Андрюшка, – ну кто мог предположить, что ты такая дура! Напросишься в гости и изучишь обстановку.

– Я?!

– Ты, – в голос сказали мужчины и уставились на меня совершенно одинаковыми карими глазами. Не в силах сдержать изумления, я широко раскрыла рот и выпятилась на них. Невежливо!

Мы дружим уже много лет. С полковником Дегтяревым познакомилась, когда взяла себе приработок – группу в Академии МВД. Зачем будущим стражам порядка понадобился французский, одному богу ведомо, но в сетке часов он занимал почетное место. Бедные мужики сражались с неправильными глаголами, как Дон Кихот с ветряными мельницами. Но самым «талантливым» оказался Александр Михайлович. За несколько лет я сумела впихнуть в его голову всего лишь три фразы: «Мое имя Александр», «Я живу в Москве», «Я работаю в милиции». Все! Даже возраст сообщить не может. Наверное, если б он не менялся каждый год, в конце концов выучил бы, потому что начало фразы «Мне исполнилось...» он помнит. Беда начинается, когда он добирается до числительного. То ли я отвратительный преподаватель, то ли у Дегтярева мозги повернуты не в ту сторону.

Но как бы ни обстояло дело с изучением иностранных языков, нас связывает тесная дружба. Мои дети, Аркадий и Маша, нежно любят толстяка. Одно время они мечтали, что когда-нибудь Александр Михайлович предложит мне руку и сердце, а я с криком «Да!» кинусь на его шею сорок шестого размера. Но ничего подобного не произошло. И хотя полковник холостяк, а я четырежды разведенная дама, мы всего лишь друзья. Давно пройден период, когда мы могли закрутить роман, сейчас отношения прочно перешли в фазу братских.

– А все-таки хорошо, – пробормотала на днях Маша, укрывая пледом мирно похрапывавшего на диване после воскресного обеда Дегтярева, – что мамулечка не вышла за полковника замуж. Они бы уже давным-давно развелись. А так, видите, спит себе спокойненько.

Крахмальников появился в нашей жизни чуть позже, но уже лет пятнадцать мы ходим друг к другу на дни рождения. Андрюшка давно и счастливо женат, его супруга Лена – моя хорошая подруга. Подрастают у него и трое мальчишек – Миша, Петя и Сережа.

В наших почти идиллических отношениях есть одна большая ложка дегтя. И Александр Михайлович, и Андрюшка занимаются расследованием по долгу службы. Я же влезаю во всяческие истории исключительно случайно, и не моя вина, что почти всегда распутываю сложные дела. Нашла убийцу Ларисы, помогла вернуть детей, украденных у матери, спасла от тюрьмы Макса Полянского, вытащила из лагеря Рому, да много чего было, потому что разнообразные приключения и неприятности слетаются на мой двор стаями. Правда, Александр Михайлович, как правило, дико ругается и велит не совать нос во все мышеловки.

– Не мешайся под ногами, – рывкает приятель, – только запутываешь все! Ниро Вульф доморощенный! Сиди дома, читай детективы и не лезь не в свое дело.

Сколько раз мне приходилось действовать украдкой, чтобы в конце концов вместо благодарности услышать:

– Если бы не глупая Дарья...

И вот теперь им вдруг понадобилась моя помощь! Просто непостижимо!

– Как, по-вашему, я туда попаду?

Андрюшка фыркнул:

– А как ты вообще всюду влезаешь?

Так, уже и оскорбления начались.

– Возьмите ордер на обыск и сами пошуйте!

– Господи, – в один голос закричали друзья, – да кто нам его даст?!

– Прокурор.

– Слушай, – дернул шеей Дегтярев, – это просто невозможно, нам никогда не попасть в дом законным путем. Да и нет никаких улик, только подозрения. А тебе ничего не стоит, и потом, насколько знаю, ты всегда мечтала поработать детективом, вот и даем тебе шанс!

– Но я с Харитоновым близко незнакома!

– Ерунда, – отмахнулся Андрюшка, – у вас, богатых, свои причуды. Найдешь общих друзей и напросишься на недельку в гости. Тебя никто не заподозрит в связи с милицией. Обеспеченная, взбалмошная, нигде не работающая идиотка...

Он опять со вкусом закурил. Я смотрела на него и лихорадочно соображала. Дурят они меня, что ли? На дворе, правда, апрель, но первое число уже миновало. И что он имел в виду, когда сказал – «обеспеченная, взбалмошная, нигде не работающая идиотка»? Это мне предлагается такой имидж или Андрюшка действительно именно такой меня и считает?

Впрочем, доля истины в данном заявлении все же есть. Несколько лет тому назад на семью неожиданно свалилось богатство. Долгие годы мы жили с моей подругой Наташей в крохотной двухкомнатной «распашонке» в Медведкове. Бегали на работу в третьесортный технический вуз, где прозябали на кафедре иностранных языков, подрабатывали частными уроками... Денег не было никогда. Подрастали двое детей, постоянно хотела есть и стая домашних животных – собака, две кошки, хомячки, крыса... Даже рыбки, завидя меня, начинали беззвучно разевать рот, намекая, что сушеные дафнии уже закончились.

Жить бы нам, считая медные копейки, но неожиданно Наталья выскочила замуж за богатого француза и превратилась в баронессу Макмайер.

Естественно, мы все в полном составе – я, Аркаша, его жена Оля и Маша – отправились в Париж. Но не успели мы порадоваться Наташкиному счастью и благополучию, как Жана Макмайера убили. После его кончины Наталье достался отлично налаженный бизнес, коллекция картин, трехэтажный дом в предместье Парижа и километровый счет в банке.

Сгоряча мы остались в Париже. Получили паспорта Французской Республики и... затосковали. Ностальгия – типично русская инфекция. Пришлось вернуться в Россию. Построили

дом в поселке Ложкино, и теперь наша жизнь состоит из переездов, вернее, перелетов: Москва – Париж, Париж – Москва. Вместе с нами туда-сюда катаются и домашние животные – пять собак, три кошки, ручная крыса, попугай Коко и жаба Эльвира. В последний раз летели на Рождество в столицу моды, и стюардесса бесхитростно поинтересовалась:

– А вы в каком цирке выступаете? На Цветном бульваре?

Став «новыми русскими», мы никак не можем расстаться со старой привычкой работать. Каждый нашел себе дело по душе.

Аркашка стал адвокатом. Его жена Ольга, впрочем, дома ее зовут Зайка, закончила иняз, а потом внезапно превратилась в спортивного комментатора на телевидении. Тысячи мужчин кидаются к экрану, завидя ее милое личико. Маша еще слишком мала, чтобы работать. Девочка пока учится в колледже. Но будущая профессия выбрана – дочь твердо решила стать «собакологом». Поэтому ее день тоже расписан по часам – утром школа, потом подготовительные курсы в Ветеринарной академии, домашние задания. Наташка неожиданно открыла у себя талант и пишет любовные романы, причем на французском языке.

Одна я ничего не делаю. Ну совершенно ничего.

Талантами не обладаю, петь, писать, рисовать и ваять не умею, а шитье и вязание вызывают нервную почесуху. Готовит у нас кухарка Катерина. Конечно, можно слегка подвинуть ее у плиты и удариться в кулинарию, но, честно говоря, жалко домашних. Картошка у меня всегда разваривается, пироги подгорают, а мясо делается жестким, словно кирпич. Уют в доме наводит домработница Ирка, а с моими внуками, близнецами Анькой и Ванькой, возится няня Серафима Ивановна. Меня она к ним не подпускает, впрочем, Ольгу с Аркадием тоже. Дети выдаются родителям всего на полчаса в день, закрыта детская и от тети.

– Ты, Машенька, должна понять, – втолковывает старушка, – в школе гнездятся ужасные инфекции – корь, ветрянка, коклюш, свинка... Хочешь посмотреть на племянников, надевай стерильный халатик.

– Вообще-то она права, – бормочет Манюня, намывая руки, – к маленьким всякая дрянь постоянно липнет. Вот детенышей обезьян, например, стараются лишний раз на улицу не выносить.

Так что, сами понимаете, делать мне решительно нечего, остается читать детективные романы. Всяческие тайны, убийства влекут меня чрезвычайно. И вот сейчас вдруг представляется шанс поучаствовать в расследовании преступления!

– Ну что, решила? – поинтересовался Александр Михайлович.

– Ладно уж, так и быть, выручу. Хотя, честно говоря, очень занята, и мне немного не с руки.

– Вот видишь, – удовлетворенно хмыкнул Дегтярев, поворачиваясь к Андрюшке, – я же сказал – услышит про дело и тут же побежит босиком по снегу. А ты не верил, думал, испугается!

ГЛАВА 2

Дома я принялась лихорадочно листать телефонную книжку. Кто может поближе познакомиться с Олегом Андреевичем? Собственно говоря, я его знаю. Андрюшка прав, пару раз мы сталкивались на банкетах. Помню его покойную жену Валентину, красивую, статную, молчаливую женщину. Как-то оказались рядом во время концерта Растроповича. Меня удивило, что все три часа, пока главный эмигрант Страны Советов играл на виолончели, Олег Андреевич держал супругу за руку. Честно говоря, слегка позавидовала – прожить вместе столько лет и сохранить остроту чувств. Потом в газете промелькнуло сообщение о смерти Вали, буквально через три месяца Харитонов вновь пошел в загс. Немедленно заработала машина слухов. Газета «Экспресс» тут же опубликовала статью под заголовком «Безутешный муж». На несчастного Олега Андреевича вылилось ведро грязи. Якобы Валентина последние годы тяжело болела, и их брак превратился в чистую формальность. Место в кровати возле депутата прочно заняла некая Татьяна, работавшая у него переводчицей. И после смерти жены он оформил их отношения.

Харитонов никак не отреагировал на сообщение, но примерно через месяц газета «Семья» напечатала большой «подвал», где новая жена Харитонова предельно честно рассказала историю своих отношений с депутатом.

Да, они много лет вместе. Их дочь Варвара уже школьница. Но Олег Андреевич не хотел развода с Валентиной. Первая супруга была тяжело больна, и он считал невероятным свинством бросить спутницу жизни в подобной ситуации. Танечка принимала позицию любовника, ничего не требовала ни для себя, ни для дочери, держалась в тени, и об их взаимоотношениях знали лишь немногие особо доверенные люди. Когда в конце концов болезнь доконала Валью, Олег Андреевич поторопился узаконить гражданский брак с Танюшей. Вот и вся история. Депутат выглядел абсолютно порядочным мужчиной, новая жена – интеллигентной, любящей женщиной. Валентина – несчастной калеккой... Скандал затих, не успев разгореться.

Таню я никогда не встречала. Она принципиально не посещала никаких мероприятий, даже тех, в приглашении на которые стояло – «с супругой». Дама-невидимка. Злобные сплетницы поговаривали, что будто бы у второй мадам Харитоновой безобразная внешность, огромное родимое пятно на щеке, сутулая спина и ноги кавалериста.

Телефонный звонок прервал раздумья.

– Дашка, привет, – зачастил в трубку высокий, нервный голос.

– Привет, – машинально отозвалась я, не узнавая говорившую.

– С трудом твой номер нашла, спасибо Ленька Мамонтов подсказал, – продолжала неизвестная женщина.

Она говорила быстро, слегка задыхаясь, словно на бегу.

– Небось гадаешь, кто звонит?

– Ну, в общем...

– Ха, Зоя Лазарева.

– Зоинька, – обрадовалась я, – сколько лет, сколько зим, как поживаешь?

С Лазаревой мы учились в одной группе. Поступали в иняз одновременно, и обе, без всякого блата, получили «отлично» на экзамене по-французскому. Вещь почти невозможная для абитуриентки данного института. Даже девочки, занимавшиеся с лучшими репетиторами, получали не больше четверки. Пятерки там ставили лишь своим, внесенным в разнообразные списки – от ректора, от декана, от парткома. Простому человеку попасть в иняз было практически невозможно. Для этого нужно было либо обладать связями, либо заплатить огромную сумму.

Но мы с Зоей ни о чем таком и не подозревали, наивно полагая, что вступительные экзамены – это всего лишь проверка знаний.

Нас отдали на растерзание Раисе Измайловне Милославской, роскошной полной даме, безупречно владеющей языком. Ее перу принадлежало то ли двадцать, то ли тридцать учебников, методических пособий и справочников. И именно к ней попадали те, кому следовало поставить «неуд». Милославская вцепилась в меня, как терьер. Текст, предложенный для перевода, был сложным даже для пятикурсника. Минут тридцать она болтала со мной на разные темы, потом вызвала подмогу – Татьяну Карловну Раушенбах. Они начали трясти меня вдвоем. Наконец Раиса Измайловна глянула на Раушенбах и проямлила:

– Кажется, коллега, здесь «отлично».

– Да, – вздохнула та, – ничего не поделаешь.

Я выпала в коридор и встала у окна. Прохладный июньский ветерок приятно пробежал по взмокшей спине. Спасибо, Сюзи! В огромной коммунальной квартире, где прошло мое детство, жила настоящая парижанка – Сюзетта, жена погибшего в сталинских лагерях французского коммуниста. Сюзи практически не владела русским языком, страшно бедствовала, и моя бабушка наняла ее нянькой. К трем годам я говорила по-французски лучше, чем по-русски. Сюзи научила меня читать и писать. В школе мне порой было трудно на уроках русского языка. Зато преподавательница французского вечно ставила меня всем в пример.

Следом за мной в коридор вылетела красная Зоя.

– Пятерка, – прошептала она, – тебе не кажется, что они пытались нас завалить? Вон та, черненькая, еле-еле читала, а ей сразу «отлично» вклеили.

Я пожала плечами:

– Может, и хотели отсеять, только не получилось, а откуда ты так здорово язык знаешь?

– Шпион научил, – хмыкнула Зоя.

– Кто? – изумилась я.

– Видишь ли, – захихикала Зоя, – я из Верми, городок такой в Сибири, прямо возле центральной площади – зона. А дома у нас комнату снимал вольный поселенец, его за шпионаж посадили в 50-х. По-русски так и не научился, пришлось нам французский осваивать. Ему в 65-м срок вышел, только Пьер успел в маму влюбиться и остался. Мы с ним только по-французски болтали, и мамулька тоже его язык выучила. Он ее замуж зовет, да она боится, все-таки шпион. Так и живут без росписи.

Пять лет мы грызли вместе грамматику, потом наши пути разошлись, и вот Зойка неожиданно звонит.

– Слушай, Дашутка, помнишь, какая у нас дата?

– Нет, – растерялась я.

– Двадцать лет, как иняз закончили!

А ведь верно, надо же, сколько времени пролетело.

– Вот решили собраться, – частила Зоя, – почти всех разыскали: и Катю Волкову, и Федю Пригожина, и Раю Скоркину... Так что готовься – в пятницу приезжай к Тане Ивановой домой, пиши адрес.

Я схватила ручку.

– Успенское шоссе, 12-й километр, – диктовала деловито Зоя, – поселок Федулово, дом три. И еще: решили веселиться на полную катушку, поэтому изволь надеть костюм.

– Какой? – растерялась я.

– Ну уж это тебе видней, – рассмеялась подруга, – хоть Красной Шапочки. Решили устроить карнавал. И чтобы обязательно маска на лице. Сначала повеселимся на полную катушку, сорок человек позвали, почти весь курс соберется. Будем гадать, кто есть кто! А в полночь маски долой – то-то хохоту будет!

Из моей груди вырвался вздох. Боюсь, не до смеха станет. Не встречались почти четверть века, так что и без масок можем друг друга не узнать. Лично я прикреплю где-нибудь табличку – Дарья Васильева.

Но Зоя просто фонтанировала энтузиазмом:

– Смотри не опаздывай, сбор к пяти.

– Погоди, погоди, что приносить: вино, конфеты, колбасу?

Зоя радостно засмеялась:

– Ничего! Нас Танюшка приглашает.

– Столько человек? Ей-богу неудобно, давайте хоть деньгами скинемся.

– Оставь, – успокоила Лазарева. – Танька среди нас самая богатая, ей такой расход – тьфу.

– Чем же она занимается? – удивилась я.

– Сейчас ничем, – пояснила Зоя, – просто удачно замуж выскочила.

– А кто супруг?

– Держись за стул, – взвизгнула Зоя, – депутат Харитонов! Слышала небось? Он через день в телевизоре мелькает. Заодно и познакомимся.

Из трубки понеслись короткие гудки. Я в обалдении уставилась на «Эриксон». Ну надо же, а еще говорят, что чудес не бывает.

Узнав о костюмированном бале, домашние чрезвычайно воодушевились.

– Нарядись принцессой, – велела Маша, – юбка на кринолине, кругом кружева, кружева и большой парик с буклями.

– Представляю, как гости заржут, когда мать маску снимет, – схамил Аркадий, – думали, девочка, а там бабушка.

Я решила пропустить бестактность мимо ушей. При росте метр шестьдесят четыре вешу сорок восемь килограмм, к тому же имею абсолютно классические параметры: талия – пятьдесят семь, бедра – восемьдесят восемь. Вот только бюст слегка подкачал, если честно, то его совсем нет.

– Ужасная глупость пришла тебе в голову, Маня, – накинулась Зайка на девочку, – тут нужно нечто совершенно экстраординарное, эксклюзивное и к тому же смешное.

– Пусть оденется поросенком Наф-Нафом, – предложила Машка. – Возьмет в руки ведерко, мастерок, и маска не потребуется, мордой прикроется с пятачком.

– А зачем ведро с мастерком? – изумилась я.

– Так он каменный дом строил, – пояснила Манюня, – самый разумный из всех оказался. Роль как раз для тебя, мулечка.

– Чего-чего, а разумности у нашей матери нет и в помине, – тяжело вздохнул Кеша, – только каменные хоромы мастерил Ниф-Ниф.

– А вот и нет, – ошетинилась Маня, – Наф-Наф.

– Ниф-Ниф, – настаивал брат.

– Наф-Наф, – не успокаивалась сестрица.

– Ниф-Ниф.

– Наф-Наф!!!

– Ну, прекратите немедленно, – не выдержала Ольга. – Кеша, как тебе не стыдно, споришь с глупым ребенком. Какая разница – Ниф-Ниф или Наф-Наф?

– Никакой, – успокоился Кеша, – пусть будет по-твоему, Маня.

– Не надо мне уступать, – заорала Маша, – сейчас точно узнаем!

И с ужасающим топотом дочь понеслась в библиотеку.

– Не хочу одеваться поросенком, – вырвался стон из моей груди.

– Не надо, – успокоила Зайка, – завтра пороюсь в костюмерных и найду что-нибудь подходящее, не расстраивайся, положишься на мой вкус.

– Ага, – раздалось из коридора, и торжествующая Маруся влетела в гостиную, размахивая толстой книгой. – Ага!

– Ну и что? – поинтересовался Кеша.

– Никто не угадал, – возвестила сестрица, – имечко ему Нуф-Нуф!

– Вот и славненько, – сказала Зайка, – оба плохо знаете литературу, а спорите.

Кеша и Маня уткнулись в телевизор. Ольга пошла наверх, я за ней. Так, теперь следует обдумать, как ухитриться обследовать все комнаты.

Невестка расстаралась на славу. В пятницу около одиннадцати утра влетела ко мне в спальню и, раздернув шторы, воскликнула:

– Примерь-ка!

На кровати громоздился чемодан. Я потянула за «молнию» и уставилась на нечто желто-коричнево-розовое. Какие-то круги, потом гигантский чулок темно-красного цвета. Тут же лежала и странная шапочка одного цвета с чулком. Больше всего она напоминала убор палача – «шлем» с узкими прорезями для глаз, целиком скрывающий лицо. На макушке отчего-то нашита омерзительная тряпка цвета детской неосторожности.

– Что это?

– Хот-дог, – пояснила Зайка, – желтое – булка, красное – сосиска. Здесь, – ее палец с безукоризненным гелиевым ногтем ткнулся в тряпку, – горчица.

– Ужас! – вполне искренне сообщила я.

– Вот и нет, – возмутилась Ольга, – очень даже оригинально. Одна такая будешь. Ну, давай, давай, напяливай.

Кое-как, чертыхаясь, я принялась натягивать костюмчик. Через пару секунд стало понятно: нечего и думать сделать это без посторонней помощи. Зайка ринулась впихивать любимую свекровь в узкий футляр. Минут десять мы щелкали резинками и дергали всевозможные «молнии». Наконец мою голову скрыл колпак, крайне довольная Зайка объявила:

– Гляди, по-моему – потрясающе!

Я попыталась сделать шаг и чуть не рухнула. «Сосиска» оказалась очень узкой, правда, чуть ниже колен футляр слегка расширялся, превращаясь в некое подобие колготок удручающе кетчупового цвета. Булки, представлявшие собой огромные куски поролона, обтянутые парусиной, надевались на талию. Внизу они свисали почти до щиколоток, вверх доходили до плеч. Руки предлагалось высовывать в небольшие отверстия, и на них полагалось надеть желтые перчатки. Шапочка плотно прилегала к лицу и отчаянно воняла чем-то кислым и невообразимо гадким. Может, актера, носившего данный прикид до меня, стошнило прямо в маску?

Кое-как, мелко перебирая ногами, я доковыляла до зеркала. Да, родная мать не узнает! Фигуры не видно совершенно, лица, впрочем, тоже. Лишь глаза сверкают в отверстиях.

– Класс! – пришла в полный восторг Зайка и заорала: – Кеша!

На клич моментально явились наши собаки. Их в доме живет пятеро – ротвейлер Снап, питбуль Банди, пудель Черри, йоркширская терьерка Жюли и английский мопс Хуч. Вся свора влетела в спальню. Последним внесся запыхавшийся Хучик. Его коротенькие ножки не созданы для гонок по лестницам. Увидав «хот-дог», псы моментально сели. Потом Снап поднял голову и завыл.

– А ну, прекрати, – разозлилась Ольга, – заткнись немедленно! Ты чего, хозяйку не узнал?

Конечно, нет, впрочем, остальные тоже выражали недоумение. Костюм источал незнакомые запахи. Жюли мелко затряслась шуплым тельцем; Черри так распахнула пасть, что со стороны казалось, будто у пуделихи от изумления отвисла челюсть; храбрый питбуль на всякий случай забился под диван. Хорошо, хоть пол сухим остался. Наш отважный Бандюша от страха моментально писается. А маленький сарделькообразный Хучик залился громким негодующим лаем. Под складчатой шкуркой и толстым слоем жирка бьется отважное сердце. Хуч смело нападает на незнакомые предметы, подпрыгивая от возмущения.

– Полный аут, – пробормотал вошедший сын. – Сокрушительный успех гарантирован. Никто и не догадается, кто спрятан внутри. Во всяком случае, собаки в нокауте.

Я стащила с головы «шлем» и рявкнула:

– Сейчас же прекрати!

– Ты мне? – спокойно спросил Кеша.

– Нет, – разозлилась я, – Хучу.

Следующие полчаса потратила на то, чтобы покинуть «сосиску». Руки никак не могли нащупать «молнию», расположенную крайне неудобно.

– Какой дурак шил это одеяние, – кипела я, выползая из футляра, – надо же додуматься – ни снять, ни надеть.

– Вообще-то актерам положен костюмер, – пояснила Зайка, помогая избавиться от «булки».

– Ну и как, по-твоему, я справлюсь в гостях одна?

– Очень просто, – не дрогнула невестка, – поедешь одетой, а когда праздник завершится, попросишь кого-нибудь расстегнуть застёжки.

– Ты с ума сошла, я не влезу за руль!

– Запросто, – успокоил Аркадий, – отодвинешь подальше кресло, подогнешь поролон, и вперед.

Так и сделали. Шапочку с «горчицей» я положила рядом и, стараясь дышать ровно, понеслась по шоссе.

Костюм оказался на редкость неудобным. Сразу стало жарко, и зачесалась спина. Я принялась елозить на сиденье, стараясь унять зуд. Куда там! Скорей всего в «хот-доге» целое гнездо блох и клопов.

Пытаясь почесаться, я чуть было не влетела во внезапно остановившийся троллейбус, одна из штанг которого отлетела от проводов и угрожающе раскачивалась в воздухе.

Из кабины выскочил злой водитель и, надевая брезентовые рукавицы, крикнул:

– Чего уставилась? Ехай дальше.

Я послушно нажала на педаль, но верный «Вольво» даже не вздрогнул, мотор молчал. Ничего не понимая, дернула дверцу и обнаружила, что она не открывается. Стекла также не хотели опускаться. Сзади раздавались нетерпеливые гудки. Отчаявшись тронуться с места, я со злостью стукнула по рулю. Ничего себе положеньице!

У дверцы возник гаишник и постучал пальцем в стекло. Набрав побольше воздуха, я заорала:

– Мотор не работает, и машина не открывается!

Парень усмехнулся и ушел. Поток автомобилей начал огигать «Вольво». Большинство водителей, поравнявшись со мной, шевелили губами. Хорошо, хоть не слышно, что говорят. Впрочем, догадаться нетрудно. До слуха донесся резкий щелчок, и передняя дверь распахнулась.

– Ваши документы, – грозно потребовал избавивший меня от плена постовой.

Я протянула права, техпаспорт и потрясенно сказала:

– Ничего не понимаю.

– И понимать нечего, – буркнул парень, не поднимая глаз от бумаг, – не надо было «Клиффорд» ставить.

– Что? – изумилась я.

– Столь широко разлегламированная система сигнализации «Клиффорд», – бормотал сержант, задумчиво разглядывая фотографию, – частенько подводит владельцев. Слишком нервно реагирует на любые импульсы. Вот у троллейбуса штанга соскочила, произошел небольшой электрический удар, а ваша сигнализация поймала его и решила действовать. Моментально прекратилась подача топлива, и были заблокированы двери. Еще скажите спасибо, что

теперь мы умеем вскрывать автомобиль в такой ситуации. Год назад сидеть бы вам больше часа взаперти до приезда специалистов.

Он отдал документы и велел:

– Откройте багажник.

Кое-как я выкарабкалась из-за руля и осторожно поспешила вдоль машины. Нужно признать, что Аркашка был абсолютно прав, утверждая, что меня ждет невероятный успех. Плавно бегущая по шоссе лента автомобилей моментально притормозила. Шоферы начали высовываться из окон, кое-кто засвистел.

Сержант грозно махнул жезлом, автолюбители моментально заткнулись.

– Чего это на вас надето? – не выдержал страж дорог.

– Еду на маскарад, в костюме.

– А-а-а, – протянул парень и милостиво разрешил: – Ну, ехайте себе.

Передвигаясь мелкими шагами, словно гейша, я добралась до передней дверцы и попыталась сесть на водительское место. Не тут-то было. Топорщащиеся во все стороны «булки» никак не хотели складываться. Поглядев на мои бесплодные усилия, сержант, закусив губы, принялся помогать. Вдвоем мы кое-как смяли поролон, и я водрузилась за руль. На лице милиционера заиграла широкая детская улыбка, и он сказал:

– Интересный костюмчик, только жаль, голова не прикрыта.

– Шапочка есть, – с готовностью сообщила я и натянула шлем.

– Абзац, – выдохнул постовой, – ну и крутизна. Ехайте, гражданочка, ехайте.

Чувствуя, что спина начала зудеть с новой силой, я нажала на педаль. Отчего-то настроение испортилось. Ох, чует сердце, без неприятностей сегодня не обойдется.

ГЛАВА 3

Но больше приключений не случилось, и к проходной я подкатила почти вовремя. Появившийся из будки охранник широко улыбнулся:

– Здравствуйте, на праздник к Харитоновым? – и, не ожидая ответа, добавил: – Татьяна Михайловна велела гостям сначала идти в сторожку, там комнаты устроили для переодевания. В дом просили только в костюме заходить, а то, говорят, сюрприза не получится.

Я заверила секьюрити, что полностью готова, и покатила по широкой подъездной аллее.

За поворотом показался скрытый деревьями дом. Большой, из красного огнеупорного кирпича, он производил самое положительное впечатление. Никаких башенок, завитушек и колоннад. Простая лестница вела к огромной дубовой двери.

Парковочная площадка оказалась слева. Все ее немаленькое пространство сверкало иномарками. Да, судя по автомобилям, дела у бывших сокурсников идут крайне удачно.

Проклиная неудобный костюм, я нацепила шапочку и посеменила к парадному входу. Незапертая дверь легко поддалась, и перед глазами оказался огромный холл с мраморным полом. Впереди вздымалась широкая лестница с широченными перилами, по обе стороны от нее тянулись коридоры. Откуда-то слева раздался хлопок и взрывы смеха. Я медленно поковыляла на шум. Перед глазами открылся зал, метров пятьдесят, не меньше. Справа тянулись столы, заставленные всевозможными блюдами, слева – небольшие столики со сладким, возле окна в специальных подставках поблескивали разнообразные бутылки.

В центре гомонила пестрая толпа. На секунду показалось, что в помещении расположился цыганский табор – яркие юбки женщин, пестрые костюмы мужчин, переливающиеся елочным блеском драгоценности. Потом глаз начал различать отдельных особей. Кого тут только не было!

Несколько придворных дам, парочка пиратов, Микки-Маус, медведь, Дед Мороз, Бэтмен и какой-то картонный ящик с головой и ногами.

– Класс! – завопил тонким голосом Кот в сапогах и подскочил ко мне. – Ты кто?

– Хот-дог, – сообщила я.

– Ребята, глядите, сосиска пришла! – заверещал Кот, поминутно подтягивая лосины. Похоже, он одолжил костюмчик у более тучного приятеля.

– Сейчас угадаю кто! – радостно заорала Белоснежка. – Стой не шевелись. Ты – Леня Марков.

– Нет, – сказала я.

– Ага, – обрадовалась Белоснежка, – голос женский, значит, Ритка Костикова...

Помотав головой, я попыталась сообразить, «кто есть ху» в бурлящей толпе. Но уже через пару минут оставила это пустое занятие. Бывшие студенты постарались на славу. Лица плотно закрыты, у большинства видны только кисти рук. Впрочем, пираты скорее всего мужчины, оба весьма кривоногие, с выпирающими животами, одинаковые, как яйца, – что-то не припомню близнецов на курсе.

Ловко ступая мягкими замшевыми ботинками, ко мне бесшумно подкрался лакей, разодетый в красную ливрею с золотыми позументами, и прошептал:

– Желаете коньяк, шампанское, водку?

Я поглядела в его прикрытое бархатной полумаской лицо и тоже шепотом ответила:

– Спасибо, за рулем, лучше минеральной воды, только я узнала тебя, Костя Филимонов!

Слуга покачал головой:

– Нет, я приглашенный официант. Просто Татьяна Михайловна велела всем надеть костюмы, чтобы совсем весело было.

Я вздохнула и пошла в центр толпы. Без конца хлопали пробки от шампанского, звенели бутылки. Разнообразные закуски быстро исчезали, но у хозяев, очевидно, был рог изобилия, и фуршетный стол не пустел. Подносили все новые и новые блюда, каждый раз другие – тарталетки с икрой, фаршированные перепела, устрицы, копченый угорь и масса салатов – от традиционного «Оливье» до экзотического «Коралла» с лангустами.

Гости вели себя как дети, отпущенные на каникулы. То и дело раздавались взрывы оглушительного смеха. В центре стола возвышалась невероятных размеров хрустальная ваза, в которую был вбит букет из кроваво-красных роз. На ней красовалась табличка: «Приз. Получит тот, кто найдет хозяйку».

Часа через два стало понятно, что кое-кто из гостей хорошо набрался. Толпа поредела, народ начал расползаться по другим помещениям. Я тихонько выскользнула из зала и пошла по коридору. Двери в комнаты стояли нараспашку. Так, рядом с гостиной, как и у нас, столовая. Только комната больше раза в два, и к ней примыкает курительная – небольшое помещение с диванами, креслами и камином. Потом потянулись спальни для гостей. Все словно близнецы: примерно двадцатиметровое пространство заставлено мебелью – кровать, шкафы, кресло, диван, тумбочка... Разнится только цвет покрывал, занавесок и ковров.

Я миновала голубую, розовую, желтую и зеленую опочивальни и уткнулась в глухую стену. Коридор кончился. Пришлось вернуться в холл и пойти налево.

Там тянулись служебные помещения. Огромная кухня, где около десяти человек самозабвенно резали продукты, раскладывали колбасы и сооружали бутерброды. Затем бельевая с гладильной доской, прачечная, следом еще несколько комнат. Толкнув дверь, я обнаружила, что нахожусь в помещении, значительно меньше спальни для гостей – метров десять, не больше, и обстановка крайне простая, если не сказать спартанская. Никаких ковров и дорогих накидок. Всего лишь небольшой половичок у кровати и красивый, но синтетический плед... На тумбочке лежала книга в потрепанной обложке. «Любовь вечна». Вероятно, тут обитает горничная или кухарка... Следующие комнаты тоже пусты и аккуратно прибраны.

Несолоно хлебавши я вернулась в холл и пошла вверх по широкой лестнице. Здесь меня ждал сюрприз. Площадка второго этажа щетинилась закрытой дверью. Плотнo сомкнутые дубовые створки даже не дрогнули, когда я принялась дергать за витые бронзовые ручки. Так, заперто. Что, если подумать, абсолютно естественно. Гостям, которые как следует наберутся, можно шататься по всему первому этажу, вход в хозяйские покои им запрещен. Понятная предосторожность, но мне это сильно усложняет задачу.

В задумчивости я побрела в курительную и наткнулась на одного из ряженных. «Человек-ящик» отдыхал в кресле, наслаждаясь одиночеством.

– Не помешаю? – спросила я, вытаскивая сигареты.

– Что вы, – приветливо сказал мужчина, – устраивайтесь.

Я закурила и, не удержавшись, поинтересовалась:

– Никак не сообщаю, что вы изображаете?

– Телевизор, – хмыкнул гость, – экран на животе, а голова – антенна.

– Ловко придумано, только, наверное, не слишком удобно.

– Вы правы, Дашенька.

От изумления чуть не проглотила сигарету.

– Как? Откуда знаете?

Мужчина показал пальцем на мою руку.

– Видел подобное кольцо лишь один раз – на пальце у Даши Васильевой. Моя покойная жена Валентина обожала драгоценности, понимала толк в украшениях. Мы сидели около вас на концерте Растроповича, и она спросила, кто сделал этот перстень, помните?

– Припоминаю, что ответила: Макс Полянский подарил. Значит, вижу Олега Андреевича Харитонову?

– К вашим услугам, – наклонил «антенну» «телевизор». – Давно хотел познакомиться с вами. Валя заставила позвонить Полянскому и спросить фамилию ювелира. Вот тогда Макс и рассказал, что Даша – его бывшая супруга и он до сих пор сожалеет о разрыве.

Я ухмыльнулась. После меня у Максика случилось не то шесть, не то семь жен, небось измучился от переживаний. А колечко принес, когда я вытащила его из Бутырской тюрьмы, куда беднягу запихнули по ложному обвинению в убийстве очередной супружницы. Впрочем, большой черный бриллиант в элегантной золотой оправе выглядит привлекательно, да и стоит баснословно дорого. Полянский хотел отблагодарить «адвоката» на полную катушку. Очевидно, покойная Валентина и впрямь разбиралась в брюликах, потому что частенько люди принимают мое кольцо за бижутерию – слишком необычно выглядит солитер.

– У Вали было несколько эксклюзивных вещей, – продолжал Харитонов, – она все жалела, что детей нет, некому оставить. Например, я привез из Японии ожерелье из цветного жемчуга – розового, желтого и черного. Потом изумруды из Боливии, а на пятидесятилетие заказал колье: ее имя – Валентина, – выполненное из сапфиров. Правда, сам день рождения не удался – да и какое веселье в больнице, под капельницами. Надел ей на шею, а Тина даже улыбнуться не смогла, так и умерла с сапфирами. – А где это ожерелье сейчас? – глупо поинтересовалась я.

– С ним и похоронили, – спокойно пояснил Харитонов. – Думаю, что такова была бы и ее воля. Многие украшения ушли вместе с ней. Они и впрямь больше никому не понадобятся. Если бы подрастала девочка, а так...

– Но вы же женились во второй раз!

«Телевизор» пошевелил «антенной»:

– Танюша не большая любительница камней, абсолютно равнодушна и к нарядам. Вот повеселиться, устроить бал-маскарад – здесь она мастер. Удивительно задорный, никогда не унывающий человечек. И потом, как вы себе это представляете – Татьяна носит на груди имя Валентина? Нелепо!

Из гостиной послышались звуки гонга и крики:

– Маски долой!

– Пошли, – пригласил хозяин, – наступает кульминационный момент.

В комнате царил оживление. Как и следовало ожидать, узнать бывших сокурсников даже без масок оказалось чрезвычайно трудно. Большинство сильно растолстели, обзавелись вторым подбородком, морщинами и лысиной. Кот в сапогах оказался Никитой Павловым, Красная Шапочка – Раей Скоркиной, Белоснежка – Зоей Лазаревой, а дядька Черномор превратился в Евгения Пестова. Но самый громкий вздох пронесся по залу, когда маски сняли пираты. Один – Ваня Клюкин, другой... хозяйка дома, Таня Иванова.

– Ну здорово! – кричала Танюшка, потрясая банданой. – Между прочим, мы с Ванькой специально договорились одеться одинаково, чтобы всех обдурить. Мне, несчастненькой, бедненькой, худенькой девушке, пришлось приделать огромный животище. Ванюшка-то большой любитель пива! А мои стройные ножки? Думаете, легко ходить весь вечер в картонных сапожищах, имитирующих кривизну ног?

Дамы визжали от восторга, мужчины громко хохотали. Я вновь выскользнула из комнаты. Пойду огляжу домик снаружи. Но и во дворе ничего настораживающего не наблюдалось. Я углубилась в сад. «Сосиска» мешала быстро передвигаться, и ноги то и дело спотыкались.

За домом простиралась невероятно ухоженная территория – ряды кустов перемежались клумбами. Была там и детская площадка – песочница, качели, горка. Немного странно, если учесть, что девочке, по слухам, то ли девять, то ли десять лет. Кстати, ребенка на празднике не было видно. Если бы подобное шоу устроили у нас дома, Манюня приняла бы в нем самое активное участие. Хотя, может, Олег Андреевич и Татьяна сторонники жестких методов воспитания и считают, что детям не следует мешаться под ногами у гостей.

Я прошла по всему саду и не обнаружила ничего подозрительного, даже той калитки, куда, по словам полковника, нырнул таинственный Жок. Впрочем, было темно, двор освещался фонарями, и в их не слишком ярком свете можно многого не заметить. Следовало напроситься еще раз в гости днем, а еще лучше утром.

Я обошла дом с торца и наткнулась на небольшую дверь. Толкнула створку и оказалась в коридоре, возле кухни. Скорей всего именно через этот вход в здание попадает прислуга. Интересно, сколько человек постоянно работает у Харитоновых? Что там Крахмальников говорил, кажется, повар, шофер, гувернантка...

В зале по-прежнему веселился народ, правда, основная масса разъехалась, по инкрустированному паркету бродили человек шесть.

– Дашка, – завопила раскрасневшаяся Татьяна, – отлично, что ты еще здесь, а то я расстраивалась, что не говорила с тобой. Так, все снова надеваем маски и делаем фото на память.

Кот в сапогах, Белоснежка, Красная Шапочка, оба пирата и я сбились в кучу. Ливрейный лакей защелкал фотоаппаратом. Потом выпили еще шампанского, добавили ликер «Айриш-крим» и вновь раскупорили бутылку «Дом Периньон».

– Не снимайте маски, – верещала Таня, – ну и угадайте, где я, а где Ванька?

Около двух Ваня Клюкин расстегнул на пиратском жилете пуговицы и простонал:

– Все, ребята, больше не могу. Пора домой, да и живот заболел, язва, знаете ли, расшалилась. Напозволял себе сегодня лишнего!

– Денот прими, – посоветовала Рая Скоркина, – хочешь дам?

– Не, братцы, я домой, – заплетающимся языком пробормотал Ванька, – устал.

– Даже не думай, – твердо заявила Татьяна, – мы тут остались самые близкие, одна третья группа, хоть поговорим спокойно.

– Не, домой, – пьяно ныл Клюкин.

Он сильно побледнел и осунулся. Похоже, что мужика и впрямь донимала болячка.

– Не советую садиться за руль в таком состоянии, – велела Таня, – позвони домашним и оставайся ночевать. – И она протянула Ваньке мобильный.

Но Клюкин помотал головой и рыкнул:

– Живу один-одинешенек, никому не нужный.

Высказавшись, Ванюша шмурыгнул носом и зарыдал.

– Ну-ну, – похлопала его по плечу Таня, – не стоит расстраиваться, молодой, красивый, только свистни, женщины прибегут и в штабеля у ног улягутся.

– Никому, никому, абсолютно никому не нужен, – икал Ванька, размазывая сопли, – с тех пор как мамочка умерла, я бедный бесприютный сирота.

И з-под обшлага клетчатой рубашечки соскользнули на запястье большие, вульгарно дорогие часы.

– Эй, кто-нибудь, – велела командным голосом Танюша, – уведите плаксу в спальню!

– Давно скончалась твоя матушка? – осторожно поинтересовалась я.

Но Клюкин достиг той стадии опьянения, когда внешние раздражители не воспринимаются, слышны только собственные страдания.

– Бедный, бедный, одинокий...

– Его мама умерла почти десять лет назад, – пояснила Рая Скоркина, – а он, как напьется, всегда рыдает, вечно на всех вечеринках людям настроение портит. Я все поджидала, когда же он сегодня в плач ударится. Еще долго продержался, почти до самого конца.

Лакей крепкой рукой поволок к выходу несчастного сироту с золотыми часами. Оставшиеся сели плотной группкой на диванах и принялись рассказывать о себе. Радовало, что никто не пропал. Все-таки знания иностранных языков – верный кусок хлеба, чаще всего с маслом и сыром, а по нынешним временам, когда все кинулись учить детей, даже с икрой.

Рая Скоркина репетиторствовала.

– Беру пятьдесят долларов за академический час, – откровенничала женщина, – готовлю к вступительным. Сильно не зарываюсь – двадцать уроков в неделю, и вся в шоколаде.

Я быстренько умножила в уме пятьдесят на двадцать и с уважением поглядела на Скоркину. Тысяча баксов за семь дней! Совсем неплохой заработок для женщины. Никита Павлов издает газету «Желтуха».

– Господи, – восхитилась Райка, – значит, это у тебя постоянно печатают всяческие сплетни и офигительные фото. Ну скажи, как удалось снять Газманова на унитазе без брюк?

Никита тяжело вздохнул:

– И звини, Рай, дури читателей. Простой монтаж. Морда певца, а тело взяли от нашего шофера, они похожи с Газмановым.

– Жуть, – взвизгнула Скоркина, – ведь поверила!

– Не ты одна, – ухмыльнулся Никита, – у нас тираж за миллион перевалил.

Зоя Лазарева деканствовала в частном вузе. Судя по ее драгоценностям, дела у высшего учебного заведения шли прекрасно.

Только нам с Танюшей Ивановой было нечем похвастать. Обе не работаем, а просто проживаем жизнь в свое удовольствие.

Старинные напольные часы глухо пробили три часа. Зоя с чувством произнесла слегка заплетающимся языком:

– Ну, прощайте!

Таня с сомнением глянула на подругу:

– Лучше не садиться за руль в таком виде.

– Меня невестка ждет в машине, – пояснила деканша, – специально с собой взяла, чтобы потом домой доставила.

– Девушка сидела весь вечер в автомобиле? – изумилась я. – Бедняжка, небось замерзла и проголодалась.

Лазарева дернула красивыми плечами:

– Подумаешь, я их с сыном кормлю, пою и одеваю, может и шофером поработать!

Никита Павлов резко встал и потянулся:

– Отбываю, девчонки, еще свидимся. Да, забыл, всем дарю бесплатную подписку на «Желтуху».

Рая Скоркина подхватила сумочку и попросила:

– Пошли, Кит, подвезешь меня, машину не брала сегодня, очень выпить со всеми хотелось. Зойка-то, ну и дрянь! Заставить бедную девушку весь вечер торчать во дворе! Между прочим, у меня тоже была такая свекровь, из-за нее и с мужем развелась. Падла рогатая!

– Кто? – немедленно спросил Никита. – Муж?

– Нет, – хохотнула Райка, – мамонька евонная.

Мы с Таней остались вдвоем. Следовало откланяться и отправляться восвояси. Но тогда задание, первое мое оперативное задание, останется невыполненным. Если не сумею осмотреть дом, Александр Михайлович станет всю оставшуюся жизнь насмехаться. Прямо слышу, как он бормочет:

– Дашутка, родненькая, не расстраивайся. Ну не приспособлена ты для работы детектива. Не всем же, в конце концов, за преступниками гоняться. Купи себе спицы и запишись на курсы вязания, должно хорошо пойти.

Нет, следовало остаться во что бы то ни стало, причем не на один день.

– Ну, надеюсь, хоть ты заночуешь! – воскликнула Танюша.

Я секунду помялась и сообщила:

– С удовольствием, потому что, видишь ли, просто некуда сейчас ехать.

– Что случилось? – изумилась Иванова. – Зоя говорила, вроде у тебя шикарный дом в Ложкино, чудесные дети...

Подивившись про себя удивительной осведомленности Лазаревой, с которой мы не встречались двадцать лет, я недолго думая соврала:

– Дом сгорел!

– Вот ужас, – ахнула Таня, – как это случилось?

Я беспомощно глядела в окно. Оказалась в ситуации, в которую частенько попадают вруны. Одна неловко сказанная ложь тянет за собой другую, другая – третью. И небольшой комочек обманов превращается в гигантскую гору.

– Живем, как и вы, в охраняемом поселке, – вдохновенно принялся болтать мой язык, – ближайший сосед – банкир Сыромятников. Кто-то из его недругов подложил в подвал дома Николая Федоровича взрывчатку. Ну и бабахнуло! Здание в клочки разлетелось! А у нас нарушен фасад, выбиты окна, сорвана крыша – словом, работы на месяц!

– Кошмар, кошмар, – твердила Танюшка, прижимая к вискам длинные аристократические пальцы.

Харитонов не солгал, она и впрямь не любила драгоценности. Изящные руки украшало только самое простое обручальное кольцо – тоненький золотой ободок.

– Люди не пострадали?

Вспомнив приветливого Николая Федоровича, его милую жену Иру, радостного сына Кирилла и кота Клауса, страстного обожателя наших кошек, я без колебания заявила:

– Слава богу, нет, успели выскочить вместе с персом.

– Где же твои дети?

– Пока в гостинице, – продолжала я путаться во вранье, – а потом в Париж поедут.

– Слушай, – заявила Таня, – завтра же перебирайтесь к нам. Открою третий этаж, и живите, сколько хотите. Нет, какая катастрофа! Нигде теперь нет покоя. Каждый день жду, что на Олега нападут!

И она стала нервно заламывать пальцы.

– Спасибо, – забубнила я, – но...

– Никаких «но», – отрезала Таня, – ладно, завтра договорим.

ГЛАВА 4

Утром меня разбудили шум работающего мотора, звук шагов и какие-то громкие голоса. Плохо понимая, что происходит, накинула выданный гостеприимной хозяйкой халат и выглянула во двор. Сердце тревожно сжалось. В одном ряду застыли две милицейские машины с синими мигалками, «Скорая помощь» и белый фургончик с красным крестом на глухих дверцах. Такие машины в народе зовут «труповозками».

– Только не пугайся, – сказала, входя в спальню, Таня, – тут беда приключилась.

– Какая? – шепотом спросила я.

– Только не пугайся, – вновь произнесла хозяйка и добавила: – Ваня заболел.

Но я услышала, как лязгнули носилки, вынимаемые из труповозки, и сразу все поняла:

– Умер?!

Танечка кивнула головой. Несмотря на то что спать мы отправились с рассветом, а встали, не отдохнув и трех часов, хозяйка выглядела безукоризненно.

Она мало изменилась за годы, прошедшие после выпускного вечера. Очевидно, не прибавила ни одного килограмма в весе. Сохранила тонкую талию, стройные бедра и прямую спину. Остался прежним и восхитительный фарфорово-прозрачный цвет лица. Небольшие голубые глаза умело подкрашены, тонкие губы тронуты светло-коричневой помадой, волосы аккуратно уложены. Только цвет их изменился – из каштановых превратился в светло-русый, но прическа осталась прежней – классическое каре, прикрывающее уши.

Интересно, она всегда так по утрам выглядит? Я до полудня похожа на бабу-ягу.

– Скорей всего, сердечный приступ приключился, – пояснила Таня, – его Тоша нашла.

– Кто? – не поняла я, ошарашенная страшной информацией.

– Антонина, горничная, – пояснила Танюша. – Лакей вчера Ваньку в зеленую спальню отвел, а Тоша думала, что там пусто, ну и решила убраться... Крику было, неужели не слышала?

Я покачала головой.

– Жуть, – бормотала Таня, глядя, как я спешно натягиваю джинсы и футболку, – просто катастрофа. Ты хоть знаешь, у него есть кто из родственников?

– Понятия не имею, ни разу после окончания не встречались.

– Они мне позвонили примерно за неделю до карнавала, – объясняла Таня, выходя в коридор, – Зойка всех собирала, разыскивала, небось она в курсе...

Очевидно, прислуга убиралась всю ночь, потому что ни в холле, ни в столовой не оказалось никаких следов праздника. Бумажные гирлянды, китайские фонарики и горы мусора исчезли без следа. Полы были застланы светлыми, безукоризненно чистыми коврами, мебель тщательно натерта, в воздухе витал едва уловимый запах полироли.

– В себя прийти не могу, – бормотала Таня, наливая мне кофе, – ну теперь нам мало не покажется!

– Почему?

Хозяйка всплеснула красивыми руками:

– Ты прикинь, как газеты обрадуются! Олег весь на виду, имя незапятнанное. Благосостояние нажил еще до депутатства. Он ведь адвокат, причем известный и дорогой. А тут такой лакомый кусок – в доме Харитонов внезапно скончался человек. Как с цепи сорвутся, дряни всякой навдумывают. Думаешь, один Никита со своей «Желтухой» такой? Помнишь, что он вчера про фото рассказывал? Кстати, уж не стала вчера ничего говорить, чтобы праздник не портить, но именно его издание накинuloсь на Олега, когда Валя скончалась. Давай грязным бельем трясти, меня раздевать. Только заткнуться пришлось, потому что мы сразу признали – все правда. И любовницей была, и ребенка родила. А что Олегу было делать? Тина после

восьми операций уже не женщина – уколы, клизмы, капельницы, химия... ну как с такой в кровать ложиться? К тому же он всю жизнь мечтал о ребенке, а Валя родить не могла...

Таня замолчала, поднеся к губам дорогую чашку из прозрачного китайского фарфора.

Дверь в столовую приоткрылась, и на пороге возникла молоденькая девушка. Судя по ее опухшим глазам и красному носу, горничная недавно горько рыдала.

– Татьяна Михайловна, – шмыгнула она носом, – вас эти спрашивают, из милиции, и еще просят гостю к ним выйти.

– Хорошо, Тоня, – ответила Таня и строго велела: – Подите умойтесь, приведите себя в порядок, ваш внешний вид омерзителен.

Антонина испарилась. Мы переместились в гостиную. Высокий черноволосый парень, в хорошем костюме, при галстук, был предельно вежлив и корректен. Записав мои паспортные данные, он пообещал Тане, что сделает все возможное, чтобы сведения о случившемся не попали в средства массовой информации. Затем откланялся и ушел.

– Поезжай домой, – велела Иванова, – собери детей, вещи и дуйте к нам.

– Ладно, – протянула я, – только у нас пять собак, две кошки, попугай Коко, крыса Фима и жаба Эльвира.

– Подумаешь, – хмыкнула Таня, – здесь живут Муля, Соня и Топа.

– Кто это?

– Мопс, удав и варан, – пояснила хозяйка, – мы с Олегом обожаем животных, вези всех, только рады будем.

С тяжелым сердцем я уселась за руль и покатила в Ложкино. Пока что все складывалось отвратительно. Ну зачем соврала про взрыв? Придется, вернувшись назад, лгать дальше. Скажу, что дети уже улетели в Париж.

Потом мысли переключились на другую волну, и я невольно вздрогнула. Господи, до чего тонка нить, на которой держится наша жизнь. Еще вчера вечером Ваня пил, гулял и веселился, а сегодня лежит в черном пластиковом мешке.

Уже при въезде в Ложкино поняла, что дома произошло что-то экстраординарное. Всегда плотно запертые ворота стоят нараспашку, и охранников нет в будке. Чувствуя, как внизу живота мелко-мелко задергались мышцы, я завернула по аллее к дому и потеряла способность двигать ногами.

Уютный дом глядел на мир выбитыми стеклами. Крыша почти полностью слетела, дверь выбита, и кое-где осыпался облицовочный кирпич.

– Муся, – заорала Маня, кидаясь ко мне со всех ног, – ну и жуть приключилась!

– Сыromятниковых подорвали? – с дрожью в голосе спросила я.

– Ты знаешь? – удивился Кеша, возникший между милицейской машиной и красным грузовиком пожарных.

Не в силах ответить, я приоткрыла рот.

– Какая-то сволочь, – захлебывалась Маня, – решила убить Николая Федоровича. Только, к счастью, ничего не вышло. И он, и Ира, и Кирюшка выскочили, даже не оцарапались.

– Клауса тоже спасли, – невольно добавила я.

– Ага, – подтвердила Маня, – его Кирька выволок, представляешь, на нервной почве вниз головой схватил, хвостом вверх. А перс даже не пискнул!

– И где они теперь?

– У Злобиных в доме, – пояснил Кеша, – там и милиция штаб устроила, и наших зверей пригнали, а близнецов с Серафимой Ивановной Зайка в аэропорт повезла.

– Зачем?

– Мать, – строго заявил Кеша, – мы теперь погорельцы убогие, дом придется ремонтировать, детям лучше в Киеве, у Марины.

Да, все верно. Ольгина мать приглядит за Анькой с Ванькой, пока будем реанимировать здание.

– А когда это произошло?

– Около трех утра, – пояснил Кеша и добавил: – иди к Злобиным, там и Александр Михайлович приехал, и Андрей.

Но мои ноги по-прежнему не желали слушаться.

Нет, больше никогда не вру. Стоило мне выдумать про взрыв, как он произошел на самом деле.

– Сейчас соберем вещи и подумаем, куда деться, – сказал Кеша, – в гостиницу с животными не пустят, надо срочно снять квартиру.

– Не надо, – пробормотала я, – проживем пока у Харитоновых, Таня приглашала.

– Вот здорово, – пришла в восторг Манюня, – всегда все к нам в гости обваливаются, а теперь мы поедем! Далеко они живут? Туда школьный автобус может и не проехать!

Но брат быстро погасил наивную радость сестры:

– Не переживай, сам буду возить тебя в колледж, так что не забудь учебники и форму.

Поскучневшая Маня побрела собираться.

Через два часа мы въезжали во двор к Харитоновым. Впереди на джипе несли Кеша. Собаки подпрыгивали на заднем сиденье, бестолково тычась мордами в стекла. Аркадий носится как ненормальный, честно говоря, побаиваюсь с ним ездить. Воткнув педаль газа в пол до упора, сынуля высовывает в окно правый локоть и, подпевая магнитофону, на полной скорости входит в поворот. Дорога из центра Москвы до Ложкино занимает у него от силы пятнадцать минут. Кешка управляется с машиной, как с собственным телом, абсолютно спокойно и уверенно. Огромный, похожий на автобус джип слушается водителя беспрекословно – при парковке влезает в узкие щелочки, ловко скачет из ряда в ряд, лавируя между машинами, заводится с пол-оборота и никогда не глохнет на светофоре.

Мой «Вольво» ведет себя иначе. Влезать задом на стоянку я не умею, ездить предпочитаю в крайнем правом ряду и, оказавшись за троллейбусом, вынуждена тормозить на остановках. Моя манера сидеть вплотную к баранке, вцепившись в нее судорожно двумя руками, – предмет для постоянных издевательств со стороны сына и невестки. Даже Машка, ловко гоняющая на мотоцикле, прикусывает губу, наблюдая, как я, затаив дыхание, выворачиваю передние колеса, чтобы отъехать от магазина. И еще никак не могу отделаться от привычки тянуть на себя руль при торможении. Заметивший это Аркадий не утерпел и посоветовал:

– Говори «тпру», а то вдруг не остановится.

Еще хорошо, что никто не знает, как держу у светофора выжатое сцепление. Стоит отпустить педаль, и «Вольво» тут же глохнет.

В свете всего вышесказанного я вместе с кошками и жабой Эльвирой прибыла к Харитоновым через час после Аркадия с Маней и собаками.

Таня встретила меня на пороге. Я поставила перевозку с Фифиной и Клеопатрой на пол.

– Красавицы! – восхитилась Иванова. – Просто красавицы! Варя, иди сюда, глянь на кошечек.

Из левого коридора тихонько вышла рослая, вполне оформившаяся девочка с довольно большой грудью. На лицо ей падали пряди темно-каштановых волос.

– Поздоровайся с Дашей, – велела мать.

Я изумилась про себя. На вид девочке не меньше пятнадцати лет, а с ней разговаривают, как с трехлетней.

Но Танина дочь покорно, слегка невнятно пробормотала:

– Здравствуйте, – и откинула локоны.

В следующую секунду мне понадобился весь мой преподавательский опыт, чтобы не вздрогнуть. Лицо ребенка выглядело отвратительно. Низкий, в два пальца лоб, маленькие круг-

лые глазки, большой рот с вывороченными губами и бесформенный нос картошкой. У дочери Харитоновых была болезнь Дауна.

– Добрый день, детка, – недрогнувшим голосом заявила я, – видишь, сколько у нас зверей, целый зоопарк, не боишься?

– Очень люблю животных, – размеренно ответил ребенок, – вот наша Муля.

К ногам Вари прижимался мопсенок.

– Она очаровательна, – совершенно искренне сказала я.

– Сейчас Соню покажу, – оживилась Варя и убежала.

Таня внимательно глянула на меня.

– Мы с Олегом сразу заметили, что ребенок болен. Умственно она абсолютно компенсирована, учится по программе обычной школы. Правда, дома. Боимся, что из-за ее внешности могут возникнуть трудности. Дети бывают злы к больным. Поэтому и друзей у нее нет. Вот хотим летом везти в Германию – там делают косметические операции, меняют форму рта, глаз, носа. Если пройдет удачно, отдадим в колледж. Твоя Маша как отнесется к Варе?

– Маруся попытается стать ей подругой, – успокоила я Татьяну.

– Муся, – раздался крик, – глянь, какая у Вари Соня!

Девочки слетели вниз, держа в руках довольно крупного удава.

– Класс, – подпрыгивала Маня, – красавица!

– Ты в компьютер играешь? – поинтересовалась Варя.

– Спрашиваешь! – воскликнула Маня. – А у тебя «Розовая пантера» инсталлирована?

– Все части.

– И третья?

– Да.

– А ну, покажи, – велела Маня.

Девочки побежали вверх по лестнице, волоча удава. Муля поковыляла за ними. Преодолев две ступеньки, щенок сел на толстый задик и завыл. Маруся подхватила его под мышку и строго велела:

– Не ной, развивай мышцы.

– По-моему, она просто не заметила Вариного уродства, – потрясенно сказала Татьяна, – честно говоря, думала, что Маша даже не захочет с ней разговаривать.

Я с изумлением глянула на хозяйку. Надо же, она так стесняется своего ребенка, что проецирует собственные мысли на других.

День пролетел в суматохе. Радужные хозяева отдали гостям третий этаж. Они и впрямь любили животных, и наша стая разбежалась по всему зданию. В огромном помещении оказалось не так уж мало прислуги. Охранник Володя заодно исполнял роль шофера. Повар Емельян, угрюмый мужик лет шестидесяти, жил во дворе, в сторожке. На кулинарных талантах мрачность характера совсем не отражалась. К чаю подали совершенно невероятный трехъярусный торт, облитый глазурью. Маруся моментально проглотила свою порцию, ничтоже сумняшеся попросила добавки и побежала на кухню. Я пошла за ней, якобы чтобы проследить за ребенком, а на самом деле желая использовать любую возможность хотя бы для поверхностного обыска.

– Страшно вкусно, – кричала Маня Емельяну, – просто невозможно, никогда такого не ела, а вы умеете вафли делать, ну такие с белым кремом внутри?

В глазах повара мелькнуло неприкрытое удивление, наверное, в этом доме не принято столь бурно выражать восторг. Потом неумелая улыбка тронула губы Емельяна, и он тихо сказал:

– Конечно, и вафли, и расстегаи, и кулебяки...

– Ой-ой, – пришла в полный восторг Маня, – а сделаете?

– Только Татьяна Михайловна велит, обязательно!

Вот, значит, как поставлено у Харитоновых. Хозяйка интересуется всем. У нас, например, меню придумывает кухарка Катя, совместно обсуждаются только блюда для гостей.

Поняв, что при поваре все равно не осмотреть кухню, я вышла в коридор и наткнулась в гладильной на Антонину.

– Вещички измяли, – приветливо улыбнулась та, – несите, несите, поглажу.

– Тяжело небось такой большой дом убирать, – решила я завести разговор.

Но горничная держалась настороженно, хотя отвечала приветливо:

– Я привыкла, и потом третий этаж открывают, только когда кто-нибудь приезжает из своих: родственники, друзья, близкие. Для остальных на первом этаже комнаты предусмотрены, – объяснила Тоня, размеренно водя утюгом по простыне, – ну а если такой прием, как вчера, устраивают, то приходящую прислугу нанимают, из агентства «Домовой».

Я побрела наверх и по дороге вновь заглянула в кухню. Маня ушла, откуда-то доносились возбужденные голоса – ее и Вари. Емельян сидел у большого стола спиной к двери. Перед ним пристроился Банди.

– На, дружочек, – неожиданно ласково, даже нежно сказал повар и протянул Бандюше оладушку. Наш питбуль – страстный любитель пожрать, а оладушки его слабость. В мгновение ока пес проглотил кусок теста и деликатно гавкнул.

– Спасибо говоришь, – умилился Емельян, – вкусно было?

Банди разинул пасть и замел по полу тонким длинным хвостом. Весь его вид давал понять: да, необыкновенно хорошо, ну угостите еще.

Рука Емельяна потянулась к миске.

– Он может съесть сто штук и делать вид, что страшно голоден, – предупредила я.

Повар резко повернулся, и с его лица моментально пропала улыбка.

– Любите животных? – решила я наладить контакт.

– Да, – сухо ответил Емельян и с деловым видом включил электромясорубку. Рев мотора ударил по ушам, и разговаривать стало невозможно.

Спать пошли рано. Около двенадцати ночи я услышала шум и выглянула во двор. От большой черной машины быстрым шагом спешил мужчина с сумкой в руках.

«Поздно, однако, Харитонов возвращается с работы», – подумала я, залезая под одеяло.

Сон все не шел. Я не люблю спать в гостях и всегда предпочитаю на ночь отправляться домой. Чужие кровати кажутся отвратительно мягкими, подушки жесткими, а одеяла тяжелыми. К тому же у чужих людей не станешь вести себя, как хочется. К завтраку придется одеваться, причесываться, а не сползать в халате. И еще я частенько, когда не спится, достаю из холодильника что-нибудь вкусненькое и несусь в спальню...

Провертевшись, не смыкая глаз, около часа, я натянула джинсы, футболку и тихонько поковыляла по лестнице. Ладно, использую бессонницу в нужных целях. Изучим потихоньку второй этаж. А если хозяева проснутся, сделаю невинный вид и сообщу, будто хотела найти книжечку для чтения.

В коридорах стояла звенящая тишина. Из-за дверей не вылетало ни звука. Таня объяснила мне, что на «хозяйском» этаже девять комнат. Спальни супругов Харитоновых шли первыми с правой стороны от лестницы. К опочивальне Олега Андреевича примыкали кабинет и библиотека. Слева тянулись покои Вари и гувернантки Анны, комната для занятий, игровая и небольшой тренажерный зал.

Поколебавшись секунду, я направилась в библиотеку. Ну не искать же книгу в спортивном зале. Хотя всегда можно отбрехаться, сообщив, будто запуталась в незнакомом месте.

Кто-то из хозяев обожал детективы. Целая стена была занята соответствующей литературой – Агата Кристи, Рекс Стаут, Нейо Марш, Маринина, Серова, Корнилова, Малышева... Наверное, поклонница криминальной литературы все-таки Таня, Олег Андреевич, скорее всего, предпочитает других авторов.

Я методично обследовала помещение. Свет зажечь побоялась, но прямо в окно была полная, яркая луна, она достаточно хорошо освещала кабинет. Глаза шарили по сторонам. Ничего особенного. Полка, густо заставленная томами. Разброс тем – от греческих философов до комиксов про Микки-Мауса. Посередине овального помещения большой стол, накрытый почти до полу шелковой скатертью, на нем красуется ваза с розами...

Вдруг из коридора послышались шаги. Не понимая, что делаю, я моментально юркнула под стол. Уже сидя там, пришла в полный ужас. Зачем это я спряталась? Куда проще сказать, что мучилась бессонницей и хочу почитать на ночь детективчик! И потом, может быть, кто-то просто вышел попить воды!

Но дверь в кабинет тихо скрипнула, и шаги подошлись к столу. Я сидела ни жива ни мертва. В узкую щель между свисавшей скатертью и полом практически ничего не было видно. Пришлось лечь на бок и прижаться щекой к паласу. Разглядела фигуру человека, стоявшего на четвереньках у окна. Свет луны бил прямо в комнату, и человек, пришедший ночью тайком в библиотеку и зачем-то опустившийся на ковер, казался черной кучей. Стало видно, как бледная рука отгибает край покрытия, роется на полу, потом раздался тихий щелчок, словно сломали карандаш... Пальцы вытащили нечто, секундно сверкнувшее в лунных лучах.

В носу у меня засвербило. Их горничная Тоня убирает так же плохо, как и наша Ира. Во всяком случае, под столом она ленится пылесосить. Я поняла, что сейчас чихну, и, зажмурившись, зажала руками рот и нос, быстро повторяя про себя: «Чихота, чихота, уйди на Якова, а с Якова на всякого». Как всегда, заговор помог, я приоткрыла глаза и поглядела в щелку – никого. Таинственный посетитель испарился.

Я выползла на четвереньках наружу. Может, почудилось? Отогнув угол ковра, принялась шарить по безукоризненно отлакированному паркету. Ничего. Дубовые дощечки плотно пригнаны друг к другу и выглядят абсолютно одинаково. Внезапно одна подалась, раздался уже знакомый тихий щелчок, и в полу приоткрылось небольшое отверстие. Внутри стояла шкатулка. Я вытащила ее наружу и принялась обозревать содержимое.

Штук пять колец, разные дорогие, можно сказать, эксклюзивные вещи: браслет, ожерелье, кулон, серьги – просто пещера Али-Бабы. Но самое интересное поджидало впереди. На дне обитого замшей сундучка лежал сафьяновый мешочек. Я потянула за шелковые завязочки и увидела красивую витую платиновую цепь. С нее свисало несколько подвесок. Разложив находку на ковре, поняла, что вижу имя «Валентина», выполненное из довольно крупных сапфиров.

Спрятав сокровища в шкатулку, я выскользнула в коридор и постаралась побыстрее добраться до своей спальни. Сон пропал окончательно. «Маленькая ложь рождает большие подозрения, Штирлиц», – говаривал небезызвестный Мюллер. Зачем Олег Андреевич сказал мне, что похоронил первую жену в драгоценностях? Зачем он вообще мне про это говорил? И почему «золотой запас» покойной супруги хранится в таком странном месте? Ведь, скорее всего, в доме есть сейф.

ГЛАВА 5

Утро принесло плохую погоду. Над городом нависли плотные, похожие на ватные одеяла серые тучи. И не поймешь – не то апрель, не то ноябрь. Зевая, я оделась, причесалась и, вспомнив безукоризненный вид Татьяны, намазала лицо тональным кремом. Не хочется выглядеть растрепкой.

В коридоре стояла тишина. Неужели все еще спят? Я поглядела на часы – одиннадцать. В столовой на самом видном месте лежала записка: «Мать, повез Машу в школу, потом встречу Зайку и отправимся в Ложкино. Отдыхай. Аркадий». Так, сын явно не хочет, чтобы мамонька занималась ремонтом. Впрочем, мне это только на руку. Терпеть не могу возиться со строительными проблемами. Нет, пусть сын и Ольга делают все по-своему, а у меня другая задача.

Через полчаса, узнав, что Олег Андреевич уехал на работу, а Таня отправилась зачем-то в город, я свистнула собак и пошла во двор. Давным-давно один мой близкий знакомый, архитектор по образованию, посоветовал:

– Если хочешь знать, есть ли в доме потайные комнаты, внимательно осмотри здание с внешней стороны. Расстояние между окнами может о многом поведать.

Снап и Банди носились по саду, аккуратно обегая лужи. Жюли и Черри осторожно бродили в кустах. Ленивый Хучик, быстро пописав, сел у моих ног и заныл. Наш мопс не большой любитель пеших прогулок. Я наклонилась, чтобы взять его на руки, и поняла, что передо мной не Хуч. Снизу вверх глядела другая собачка, чуть меньше, но такая же очаровательная.

– Ты Муля?

Песик крикнул и лег прямо в грязь.

– Ну уж нет, – возмутилась я, – вставай быстро, простудишься.

Но Муля даже не думала шевелиться. Я подняла ее и принялась разглядывать окошки. Мопсик сосредоточенно сопел на руках, потом принялся извиваться. Отпустив песика, я вздохнула. Пока ничего не говорило о каких-то скрытых помещениях. Окна расположены на одном расстоянии друг от друга. Впрочем, есть еще подвал, чердак, домик садовника, да и комнаты как следует не разглядела... Кстати, ну где же эта калитка, через которую в дом попал Жок?

Так ничего и не обнаружив, я пошла в дом. Надо позвонить Зое Лазаревой и сообщить про смерть Вани.

Зоя немедленно начала причитать:

– Нет, подумать только, какой ужас! Не знаешь, жене сообщили?

– А у него есть жена?

– Есть, – усмехнулась Лазарева, – да ты ее видела. Это Рая Скорина. Красная Шапочка наша.

– Ты ничего не напутала? – изумилась я. – Они держались весь вечер как посторонние, да и домой она без него собралась...

– Абсолютно точно, – заверила Зоя, – у них и телефон один, а почему так странно себя ведут?... Да пес их знает.

– Дай координаты Раи, – попросила я.

Зоя с готовностью продиктовала номер и добавила:

– Ты там поинтересуйся, может, помощь нужна, все-таки похороны...

Скорина схватила трубку сразу:

– Алле!

– Раечка, – робко завела я, – как дела?

– Ну ничего себе, – воскликнула бывшая супружница, – хороший вопрос вдове задаешь!

– Ты уже знаешь?

– Конечно, – бодро ответила Рая, – кстати, если хочешь, можешь помочь. Честно говоря, деньги нужны. Да, мне Зойка звонила, сказала, ты теперь у Таньки живешь. Приезжайте вдвоем.

Я оторопело уставилась на аппарат. Ну, Лазарева, ну актриса! Передо мной изображала полное неведение, чуть не зарыдала. А сама, оказывается, давно все знает. Откуда? И кто ей рассказал, что мы гостим у Тани?

В коридоре раздался командный голос хозяйки:

– Антонина, отнеси сумки в спальню.

В следующую минуту подруга всунула голову в комнату и пригласила:

– Пошли кофе пить.

Через полчаса все недоразумения выяснились. Оказывается, Зоя рано утром позвонила Харитоновым, чтобы поблагодарить за прием.

– Ну, конечно, я все ей рассказала, – блестя глазами с накрашенными ресницами, сообщила Таня. – Давай собирайся. Поедем к Райке.

Спустя два часа мы петляли по абсолютно одинаковым улочкам Вешняков-Владыкина.

– Нет, скажи, – в раздражении стукнула ладонью по рулю Таня, – ну как они гостей зовут, уму непостижимо. Этот дом 12, и тот тоже, а соседние 12а и 12б. Нам какой?

Оказалось, что первый. Маленькая дверь, обитая дешевым дерматином, распахнулась, и на пороге возникла Раиса.

– Входите, – весьма весело проговорила она и отступила в коридор.

Таня глянула на меня, пожала плечами и вошла внутрь.

Маленькая темноватая прихожая выглядела отвратительно. Прямо возле входной двери источал миазмы кошачий лоток. Справа высилась гора обуви. Демисезонные ботинки, босоножки, тапочки, зимние сапоги – все вперемешку. Слева громоздилась на простых крючках верхняя одежда. Между лотком и ботиночным Монбланом сверкала свежая лужа.

– Вот дрянь, – равнодушно уронила Рая, – опять нассал в прихожей. Идите в комнату, девочки.

Мы с Таней послушно шагнули в первую дверь.

У стены разложенный диван с весьма несвежим бельем, поцарапанная стенка, явно сделанная в Болгарии, продавленное кресло и несколько шатких стульев.

– Садитесь, садитесь, – засуетилась хозяйка, – сейчас чайку хлебанем, у меня и тортик имеется, вафельный, «Причуда».

Она метнулась на кухню. Из грязных, непонятного цвета простыней выбрался огромный рыжий кот и принялся меланхолично вылизывать хвост.

– Не верю, что она зарабатывает тысячу долларов в неделю, – шепнула Таня, осторожненько устраиваясь на колченогом седалище.

Скоркина влетела в комнату. На подносе громоздились щербатые кружки, разнокалиберные ложки и обсохлый шоколадно-вафельный десерт.

Откусив твердую, совершенно несъедобную лежалую вафлю, я попробовала начать необходимый разговор:

– Мы даже и предположить не могли, что вы с Ванькой муж и жена.

– Ага, – кивнула Рая, с явным наслаждением пережевывая твердокаменную «Причуду». – Мы сразу после учебы зарегистрировались.

– Никому не сказали, – удивилась Таня и полезла за сигаретами.

Рая поставила на стол измазанную пеплом пустую консервную банку из-под сардин. Иванова покосилась на импровизированную пепельницу, но, ничего не сказав, сунула в вонючее нутро едва прикуренный «Рок» и осведомилась:

– Ну, давай, Плюшка, рассказывай, что и как. А то мы с Дашкой, честно говоря, теряемся в догадках. То про суперзарплату рассказываешь, ключами от машины трясешь и с Клюкиным

весь вечер не общаешься, а потом выясняется, что он твоя вторая половина... Да и живешь, честно говоря, не слишком шикарно.

Услыхав старое студенческое прозвище, Раиса дернула носом, потом еще и внезапно в голос зарыдала, уронив на столешницу всклокоченную голову.

– Прекрати, – брезгливо поморщилась Таня.

– Да, – продолжала всхлипывать Рая, – хорошо вам с Дашкой: богатые, сами себе хозяйки.

– Между прочим, – веско сказала Иванова, – разное бывало, а ты с серебряной ложкой во рту родилась. Когда в институте учились, мы с Дашкой порой на одной гречке сидели, а ты в «Арагви» каждый день носилась.

– Только пока папа был жив, – тихо отбивалась Рая, – а как скончался, ни одного денечка счастья не видала.

И она снова громко, слегка картинно зарыдала.

– Да уж, – ухмыльнулась Таня, – теперь вижу, что вы с Клюкиным – «сладкая парочка»: он о маме убивается, ты – о папе...

Мне надоела их перебранка, и, крепко сжав Танин локоть, я пробормотала:

– Ладно вам, лучше расскажи, Плюшка, все по порядку.

Собственно говоря, кое-что я знала и так. Раисин отец долгие годы служил председателем городского совета Скальска. Теперь подобная должность называется красивым иностранным словом «мэр». Городок расположен в Сибири, а чем дальше от Москвы, тем больше власти у местных начальников. Лев Константинович Скоркин управлял хозяйством крепкой рукой, не забывая при этом про собственное благополучие. Рая выросла в отличной квартире, в окружении нянек и гувернанток. Мама Раечки давно скончалась, Лев Константинович вдовствовал. Естественно, никаких проблем с поступлением в престижный московский иняз у Скоркиной не оказалось. Вдали от строгого отцовского глаза она радостно загуляла – веселые компании сменяли одна другую, благо для этого были созданы все условия. Жила Скоркина не в общежитии, а на съемной квартире, папа присылал огромную по тем временам сумму – четыреста рублей в месяц. Так она и проплясала до четвертого курса, раздражая женщин-преподавательниц дорогой косметикой и шубами, но в начале пятого года обучения все рухнуло.

Приехавшая из центра комиссия вскрыла в Скальске массу служебных злоупотреблений. Шли застойные годы. Как правило, подобные факты заминались, и проштрафившегося руководителя тихо отправляли на пенсию «по состоянию здоровья». Но на сей раз отчего-то решили устроить показательный процесс.

Льва Константиновича арестовали. «Нет расхитителям социалистической собственности!» – кричали газеты. Бедный Скоркин в мгновение ока оказался в См! О. Расследование начало набирать обороты, но тут у бывшего мэра приключился инсульт, и он благополучно умер до суда.

Раечке все-таки повезло. Она не превратилась в дочь уголовника, отбывающего срок на зоне, и с чистой совестью могла в дальнейшем писать в анкетах: «Отец скончался». За неимением основного подозреваемого дело прикрыли и сдали в архив.

Из института ее не выгнали, скорей всего просто пожалели. Но из отдельной квартирki пришлось перебраться в общежитие и жить на копеечную стипендию. Сокурсницы, недолюбливавшие Раису за наряды и французские духи, тихо злорадствовали.

– Как же ты за Ваньку выскочила? – поинтересовалась я.

Рая вздохнула:

– Он давно на меня глаз положил, только я на него даже не глядела. Знаешь, какие уха-жеры были?

Знаю, знаю. Сливки, «золотая» молодежь. Только после истории со Львом Константиновичем все разом испарились, а Ванька остался и предложил руку и сердце.

– Деваться-то некуда! – бесхитростно признавалась Раиса. – Ну не в Скальск же возвращаться? Вот и согласилась. Если бы не мамочка его проклятая, одно имечко дорогого стоило – Гортензия Фелицатовна! – было бы сносно. И ведь она меня раньше привечала и все приговаривала: «Давай, Раечка, выходи за Ванюшу, помогу, чем смогу, деньги есть».

И это была правда. Гортензия заведовала крупнейшим универмагом, и Ванька перед экзаменами и зачетами появлялся в институте нагруженный коробками. Наши преподавательницы щеголяли в одинаковых сапогах «Аляска» и финских трикотажных костюмах. Впрочем, Клюкин не вредничал, частенько водил и нас через черный ход в магазин.

– А потом разом все переменялось, – продолжала Рая, – только Ваня заикнулся о женитьбе, она как заорала: «Не нужны нам тут лимитчицы из Скальска!»

Естественно, дочь городского головы и дочь подследственного – две разные девушки. Но маменькин сынок Клюкин неожиданно проявил твердость и отнес заявление в загс.

Но лучше бы он этого не делал, потому что свекровь просто стала сживать молодую невестку со света. Сначала не дала разрешение на постоянную прописку на своей жилплощади.

– Разведешься с шалавой через три месяца, а она квартиру делить заставит, – бурчала Гортензия Фелицатовна, – голодранка, нищенка, лимитчица... Разве я такую жену Ванечке хотела?

Рая помалкивала, думая, что свекровь в конце концов свыкнется и успокоится. Но через пару лет стало только хуже. У Гортензии неожиданно нашли рак. Придя из больницы, Клюкина вытянула вперед руки и трагически произнесла, указывая на Раю:

– Ты виновата, вся онкология от нервов, убирайся из моего дома.

Рая беспомощно глянула на Ваню, а тот только переминался у двери, бормоча:

– Ну ладно, ладно, уж извини мать, больная ведь!

Умирала свекровь мучительно и отошла в мир иной с проклятиями на устах.

Рая решила, что несчастьям пришел конец. Куда там! Теперь начал выделять фортели Иван. Каждый день в доме разгорался скандал.

– Чего же ты от него не ушла? – удивилась я.

– Куда? – воскликнула Рая. – На улицу?

– Ну почему, – сказала Таня, – квартиру бы разменяла.

– Ха, – выкрикнула Скоркина, – да он не давал мне разрешения на постоянную прописку! Только год тому назад квартиру в равных долях приватизировали, и то потому, что он испугался. Сказала ему: или со мной жилплощадью делишься, или больше из запоя выводить не стану, подыхай в блевотине.

– Он пил? – тихо поинтересовалась Таня.

Рая кивнула и толкнула дверь в смежную комнату:

– Во, смотрите.

Большая спальня была почти пуста. У окна валялся на полу комковатый ватный матрас, подушка без наволочки, драный плед. В воздухе воняло кислым.

– Любуйтесь, – тонким голосом произнесла Рая, – все подчистую вынес. И книги, и посуду, и мебель. В других помещениях не лучше. Жрал ханку, как верблюд воду, и ведь не помирал никак! Во здоровье имел! Запойми страдал. Два месяца ни капли в рот не берет, потом бац, три недели упивается.

– Где же он работал? – удивилась я.

– А нигде, – пояснила Рая, – сначала в Библиотеке иностранной литературы, потом в Нм м, следом в институте преподавал, потом в школе... Отовсюду выгнали. Ну кому пьянь нужна? Ну уж потом совсем вниз покатился – дворник, грузчик, стеклопротирщик... Да и там не удержался. Вещи стал продавать, у меня из сумки воровал.

– Сама где служишь? – прервала поток жалоб Таня.

– Сейчас нигде. На инвалидности, астма у меня, – пояснила Рая, – вторую группу имею.

В комнате повисло напряженное молчание. Мы сидим тут почти два часа, а Скоркина даже ни разу не кашлянула. По-моему, с такой формой астмы следует искать службу. Очевидно, та же мысль пришла в голову и Тане, потому что Иванова сказала:

– Неправда, будто сейчас нельзя найти работу. Да, министром не возьмут, но полы в супермаркете мыть – сколько угодно.

– Небось сама за мужниной спиной живешь, – оскорбилась Райка, – а мне в уборщицы советуешь.

– Зачем же вы всем ввали на вечере, – поинтересовалась я, – и потом, Иван был хорошо одет, с золотыми часами, ключами от машины тряс!

– О господи, – закатила глаза Скоркина, – да когда Зоя позвонила, он как раз второй день как из запоя вышел. Поехал к двоюродному брату, тот в театре работает, взял для нас костюмы...

– А часы? – не успокаивалась я.

– Оттуда же, муляж, правда, сделаны здорово, – пояснила Раиса.

– А машина? – не унималась я.

– Ну и дура, ты, Дашка, – неожиданно обозлилась Раиса. – Нет и не было никакого автомобиля! Пыль в глаза пускали!

– Зачем? – в один голос воскликнули мы с Таней.

– И шь вы какие, – прошипела Скоркина, – сами в загородных домах проживаете с прислугой, в брильянтах ходите, а нам, значит, в бедности расписаться? Нет уж, хотели с Клюкиным, как все, быть богатыми...

– Что же не разговаривали друг с другом? – продолжала удивляться Таня.

– А чего нам обсуждать? – пожала плечами Раиса. – Я только и ждала, когда Клюкин помрет от пьянки. Ну, слава богу, отмучилась. Теперь эту квартиру продам, себе куплю поменьше, жизнь пойдет!

Мы потрясенно молчали.

– Так как, девчонки, – поинтересовалась Раиса, – дадите денег на похороны? У меня только двадцать рублей в заначке.

Не успели мы открыть сумочки, как зазвенел телефон. Скоркина схватила трубку и недовольно буркнула:

– Алле.

По мере разговора ее лицо вытягивалось, щеки начали бледнеть, губы, наоборот, стали темно-бордовыми. Наконец она выдавила из себя:

– Хорошо, завтра в десять.

Потом положила трубку на рычаг допотопного аппарата и пробормотала:

– Откладывается.

– Что? – изумилась я.

– Похороны.

– Почему?

– Из милиции звонили, тело пока не отдадут, оно им пока что требуется для исследования.

– Зачем? – ничего не поняла Таня. – У меня, когда отец от инфаркта умер, сразу после вскрытия отдали.

– Так то был инфаркт, – просипела Рая, наливая в щербатую кружку светло-желтую заварку, – а тут, видишь, дело какое.

– Какое? Да говори по-человечески! – закричали мы в унисон.

– Такое, – нудила Рая, – в желудке нашли стрихнин, отравили Ваньку.

Таня быстро глянула на меня. Я вздрогнула и посмотрела на Раису. Вновь повисло гнетущее молчание. Потом Скоркина, заикаясь, спросила:

– Чего на меня уставились?

– Да так, – ответила Таня.

– Да вы чего, девчонки, – забормотала Рая. – Ванька мне, конечно, нервы измотал, прямо ждала, когда помрет, но я его не травила. Не верите?

– Верим, верим, – закивали мы обе головами, подвигаясь поближе к двери.

– Как можете так думать? – завизжала Рая. – Да, ненавидела, но не убивала!

Таня, резко повернувшись, вышла в коридор.

– Слышь, Иванова, – крикнула Раиса, – сдается, Ваньку в твоём доме отравили! Знай, так и заявлю в милиции. Пусть потрясут вас, депутатов! Обокрали народ, теперь на наши денежки гуляете.

Таня, ничего не отвечая, пыталась открыть замок. Я подошла и быстро щелкнула ключом. Мы вылетели на грязную площадку и побежали по лестнице.

– Эй, Иванова, – продолжала орать Скоркина, перегнувшись через перила, – знаем, знаем про тебя правду! Придушила ночью харитоновскую первую жену, чтобы самой за него замуж выскочить. Так что нечего меня обвинять, у самой рыло в пуху.

Не глядя под ноги, мы выскочили на улицу.

– Дашка! – раздался над головой голос.

Я невольно поглядела вверх. Раиса стояла на балконе.

– И про тебя правда известна! Прибила своего мужа-француза, а теперь фу-ты ну-ты баронесса. Убийцы вы обе, убийцы!

На крик начали стекаться соседи. Дрожащими руками Таня открыла «Мерседес», и мы юркнули в кожаный салон.

– Вот дрянь! – в сердцах воскликнула Иванова, выруливая на шоссе. – А нам – это наука. За двадцать лет человек может здорово измениться. Хотя Скоркина и в студентках противной была. Со мной сквозь зубы здоровалась.

Минут через пять, успокоившись, она поинтересовалась:

– Что с твоим мужем произошло?

– Не с моим. Убили Жана Макмайера, супруга Наташи.

И я рассказала, каким образом наша семья получила богатство.

– Нет ничего хуже сплетен, – вздохнула Таня, – Валентина скончалась от какой-то непонятной болячки. Сначала думали, туберкулез, потом рак легких. А когда умерла, выяснилось, что онкологии не было. Так причину и не установили. Ну а народ рад стараться, давай обмусоливать – умерла странной смертью. Только на самом деле у нее СПм – был.

– СПм -?!

– Ага, Олег не хотел ненужных разговоров. Прикинь, какая жирная добыча для газет. Жена депутата Харитонов – спидоноска. Вот и раздал целое состояние, чтобы врачам рты заткнуть.

– Где же она его подцепила?

Танюша покрепче ухватила за руль.

– Пес ее знает, любовник небось наградил. Она и Олега этим держала. Говорила: «Разведешься со мной, опубликую результаты своих анализов и сообщу, что ты меня заразил». Понимаешь теперь, отчего мы столько лет не могли пожениться?

Я потрясенно молчала.

– Ладно, – буркнула Таня, – только не говори никому. Сама не понимаю, что это я разболталась.

Остаток дороги мы мирно обсуждали последние новинки фирмы «Шанель» и во двор въехали спокойными, по крайней мере внешне.

Но неприятности продолжались. Возле крыльца стоял милицейский «Форд».

– Вот, – вздохнула Татьяна, – начинается. Мало не покажется. Расследование, допросы... Жуть. Ну зачем только согласилась устраивать эту вечеринку! А все Зойка. Уж она меня уговаривала, уговаривала...

Мы прошли в гостиную. Там сидели два милиционера и врач.

– Чему обязана? – сухо поинтересовалась Иванова.

Мое сердце тревожно сжалось. Милицейские были в звании полковников. Я плохо разбираюсь в погонах, но у Александра Михайловича на парадной форме тоже на плечах красуются точь-в-точь такие значки отличия. Слишком высокий чин для простых следователей. Хотя, если учесть особое служебное положение Харитоновой... Но при чем здесь доктор?

– Сядьте, Татьяна Михайловна, – ласково попросил один из полковников, – вот сюда, в креслице.

Врач встал, открыл чемоданчик и достал какую-то ампулу.

– Может, укольчик сразу?

– Что случилось? – побелевшими губами спросила Таня и добавила: – Олег?

– Ну-ну, – мягко взял ее за руку доктор, – не волнуйтесь, все обойдется.

– Он жив? – выдавила Таня.

Полковники устали в пол. Врач воткнул в предплечье хозяйки иголку, но Иванова, спокойно закрыв глаза, стекла из кресла на пол.

Поднялась суматоха. Пока ее приводили в чувство, я налетела на милиционеров, требуя объяснений. Узнав, что перед ними не родственница, а всего лишь подруга, те стали разговорчивыми.

В обеденный перерыв Олег Андреевич отправился за чем-то в район авторынka. Машина остановилась возле хозяйственного магазина, но депутат не успел выйти. Раздался оглушительный взрыв. Сила его была так велика, что почти на всей улице вылетели стекла, а остатки «Мерседеса» и кровавые ошметки человеческого мяса собирали потом в радиусе около двухсот метров.

Я молчала, не в силах произнести ни слова.

– За Татьяной Михайловной есть кому приглядеть? – осведомился врач. – А то медсестру пришлем.

– Хорошо, – прошептала я, – мы оплатим ее услуги.

Антонина и Емельян осторожно повели наверх плохо соображающую вдову. – Кто это сделал? – спросила я.

– Следствие покажет, – заявил милиционер, выделявшийся своей тучностью.

– Оперативно-разыскные мероприятия ведутся, – быстро добавил второй и спросил: – Не знаете, у Владимира Кострова родственники есть?

– У кого? – удивилась я.

– Владимир Костров, шофер Олега Андреевича, – пояснил первый.

– Он тоже погиб? – глупо спросила я.

Милиционеры переглянулись и кивнули. Стало совсем нехорошо. Скорей всего, Харитонов, удачливый адвокат и известный депутат, перебежал кому-то дорогу, за что и получил взрыв тротила в машине, но бедный шофер! Вот уж кто попал, словно курица в бульон! Небось ни сном ни духом не подозревал о хозяйских делишках, хотя иногда прислуга бывает более чем осведомлена о всех проблемах.

ГЛАВА 6

Утром страшно не хотелось спускаться вниз. Вернувшиеся вчера домашние пришли в полный ужас.

– Надо перебираться в гостиницу, – сказала Зайка, – неудобно мешаться у Тани под ногами в такой момент.

– А зверей куда? – поинтересовалась Маня.

– В передержку, – ответил Кеша, – заплатим рабочим сверхурочные, пусть ночью тоже работают, за две недели дом отремонтируют. Ничего с псами и кошками не случится!

– Эльвиру и Фиму не возьмут, – вздохнула Маруся, – для жаб и крыс места не предусмотрены.

– Ну проживут пока у меня в машине, – продолжал миролюбиво Кеша.

– Ладно, идите спать, – велела Зайка, – утро вечера мудреней.

Моя разумная невестка, как всегда, оказалась права. Не успели мы за завтраком заикнуться об отъезде, как Татьяна резко бросила вилку в тарелку с творожной запеканкой.

– Хотите бросить меня одну?

– Что вы, что вы, – забормотала испуганно Зайка, – думали, в тягость станем, такое жуткое происшествие! Может, вам лучше позвать сюда маму или самых близких подруг?

Вдова медленно начала наливать кофе. Я в который раз поразилась ее безукоризненному внешнему виду – голова с аккуратно уложенными кудрями, легкий макияж и элегантный светло-сиреневый брючный костюм. Учитывая вчерашнее событие, ожидала увидеть ее растрепанной, в халате и с покрасневшими глазами.

– Моя мама умерла, – пояснила Таня, – а отец скончался, едва на второй курс перешла. С тех пор живу одна. До встречи с Олегом у меня не было ни мужей, ни любовников. Подруг тоже как-то не успела завести. Наблюдалась парочка приятных коллег в библиотеке, но я уже давно там не работаю. А из нашей группы мне только Даша нравилась, но как-то у нас не сложилась дружба, может, хоть сейчас сблизимся. Так что оставайтесь, я здесь одна просто с ума сойду.

Мы молчали. Маша и Варя, низко наклонив головы, быстро-быстро запихивали в себя удивительно вкусное творожное суфле. Девочки явно старались побыстрее расправиться с завтраком, чтобы убежать из столовой.

– Варя, – строго сказала мать, – не торопись, подавишься. Кстати, почему ты до сих пор сидишь здесь? И где Анна? Вам пора начинать занятия.

– Сегодня же воскресенье! – изумилась Маша.

– Варечка должна учиться каждый день, – пояснила Таня, – только тогда она сумеет добиться успеха. Правда, дорогая?

– Если никогда не отдыхать, а только за учебниками сидеть, запросто можно в дауна превратиться, мозги спекутся, – ляпнула Маня.

У моей дочери есть милая особенность – сначала брякнуть, а потом подумать. Зайка моментально попыталась исправить положение:

– Манюша, положи мне сметаны.

– Ты же ее не ешь из-за калорийности! – удивилась девочка.

– А сегодня буду, – отрезала Ольга.

– Где Анна? – вновь спросила мать у Вари.

Девочка помотала головой и буркнула:

– Не знаю.

– Не говори с набитым ртом, – машинально сделала Татьяна замечание.

– Как же ей ответить на ваш вопрос? – изумилась Маня. – Если не хотите, чтобы разговаривала во время еды, тогда ни о чем не спрашивайте.

Очевидно, Аркадий пнул сестрицу под столом, потому что девочка обиженно продолжила:

– Эй, Кешка, чего пихаешься!

Варя внимательно поглядела на Маню, и неожиданно широкая улыбка заиграла на лице девочки.

– Какая-то молодая светловолосая женщина выходила в районе девяти утра за ворота в кожаном пальто и с чемоданом в руке, – сказал Аркадий, – я как раз собак выпустил.

– Тоня, – крикнула Таня, – где Анна?

– Велела передать, что у нее тяжело заболела сестра и она увольняется, – пояснила Антонина, – я еще спросила ее, как же зарплата? Она ответила: «Позавчера Олег Андреевич со мной полностью рассчитался, он по десятым числам платит».

– Крысы бегут с корабля, – пробормотала Таня, – испугалась, что в доме теперь не хватит средств на гувернантку!

Варя потянулась за хлебом и опрокинула чашку. Темно-коричневая жидкость быстро впиталась в белоснежную скатерть.

– Ну, как можно быть такой растяпой! – возмутилась Таня. – За обедом посажу на кухню. Не умеешь красиво есть, питайся отдельно от других.

Варечка опустила голову. Руки девочки быстро-быстро затеребили край испачканной скатерти.

– Ох, ни фиги себе! – вновь вмешалась Маня. – Да что она, нарочно? Всякий может кофе пролить! Я сколько раз суп на ковер выливала. И никто на кухню не выгонял. Между прочим, у ребенка тоже есть права. Если посадите Варьку на кухню, я с ней обедать буду!

Широкая улыбка вновь заиграла на лице Вари.

– Давай, – подтолкнула ее Маня, – пошли наверх, покажу, как мопсу когти стричь, а то твоя Муля скоро будет ходить как на каблуках.

Девочки выскочили. Маруся запустила руку в вазочку с фисташками и набила карман лакомством. Варя моментально сделала то же самое. Весело подпрыгивая, они исчезли в коридоре.

– Невероятно, – пробормотала Таня, – уму непостижимо.

– Конечно, – вздохнула я, – мы Машку разбаловали. Но как-то так вышло, что с самого детства разрешали ей высказывать собственное мнение, вот ее иногда и заносит. Попробую объяснить...

– Понимаете, – сказала Таня, – мы с Олегом очень строго воспитывали Варю. У нее только внешность дауна, а ум нормального ребенка. Но люди-то по одежке встречают, вот мы и боимся, что станет без ножа есть, сидеть криво или во все вмешиваться, сразу скажут, что она дебилка. Вот и вбиваем хорошие манеры, и до прошлого года все шло отлично. А в этом! Сделаешь замечание, тут же слезы в три ручья. Полдня плакать может и повторять: «Я урод, потому ты меня не любишь!» Даже психиатру показывали! А сегодня я два раза ее поправила, и она только смеется. Явно Машино влияние, надеюсь, они подружатся. Варе это на пользу!

– Машка кого хочешь раскрепостит, – вздохнул Кеша.

Со второго этажа понесся вой.

– Что это? – испугалась Таня.

– Не бойся, – успокоила я, – Муля не желает стричь когти.

– Конечно, мы останемся, – резюмировала Ольга, – но уж разрешите тогда компенсировать расходы. После кончины Олега Андреевича ваше финансовое положение...

Хозяйка рассмеялась:

– Финансовое положение! Не скрою, Олег великолепно зарабатывал, только наше благополучие зиждилось больше на моих заработках.

Я удивленно глянула на нее. Трехэтажный дом с огромным садом, несколько машин, прислуга...

– Кем же ты работаешь?

Танечка вытащила сигареты марки «Рок».

– Возглавляю фирму «Тата».

– Погодите, погодите, – забормотала Ольга, – значит, это ваши рекламные щиты торчат по всему городу?

Таня кивнула.

– И универмаг на Польской ваш?

Таня вновь кивнула.

– И бутик на проспекте Мира?

Иванова хладнокровно пускала дым.

– У меня три торговые точки в Москве и одна в Санкт-Петербурге.

– Ну, ничего себе, – никак не могла успокоиться Зайка, – только недавно я купила у вас костюм для работы. Вот это да! Как же удалось создать такое дело?

– Упорство и труд все перетрут, – сообщила Таня. – Начинала в подвале, с двумя швейными машинками и тремя сотрудницами. Шила кофточки, а потом пошло-поехало! Сама не ожидала, что так получится.

– Почему же сокурсникам говорила, что не работаешь? – вырвалось у меня.

– Во-первых, не люблю хвастаться, – пояснила Таня, – а во-вторых, дело теперь крутится без меня, само по себе, я им только владею. Ну раздаю иногда кое-какие указания. А так есть директор, главный художник и специалист по тканям. Вам рассказала только с одной целью – не думайте, будто стала нищей, живите спокойно. Вам, надеюсь, удобно, и мне приятно.

Антонина внесла блюдо с оладьями, и разговор прервался. Весь день я не переставала удивляться и, собираясь вечером в город, думала: «Надо же обладать такой полной невозмутимостью. Узнать о страшной гибели мужа и спуститься к завтраку при полном параде, а потом, как ни в чем не бывало, поддерживать разговор. Я никогда не была способна на такое!»

Александр Михайлович ждал меня в самом центре, возле памятника Пушкину на Тверской.

– Мы с тобой как влюбленные, – хихикнула я, устраиваясь на лавочке.

– Скорей сутенер с проституткой, – вздохнул приятель.

Я огляделась. На небольшой площади толпились разномастные девицы в коротеньких, обтягивающих юбочках. Кое-где мелькали бритые головы парней в кожаных куртках. Несмотря на обилие народа, шума не было. Над толпой стоял тихий, ровный гул, как в большом офисе во время напряженной работы.

– По-моему, ты нам польстил, – вздохнула я, – им тут всем едва за двадцать.

Дегтярев хмыкнул:

– Сутенеры редко до сорока доживают, если не меняют профессию, а дамочки разные случаются. Вон, погляди в тот уголок.

Ближе к неработающему фонтану сидели две благообразные дамы, скорее даже бабушки. Такие не прогуливаются с внуками и не вяжут, сидя на лавочках во дворе. Трудно представить их стирающими белье, консервирующими огурцы и готовящими компот. Их место в театре, на выставке или, на худой конец, в кафе, возле чашечки кофе. В Париже много подобных дам. Аккуратно причесанные, с драгоценностями, в модной, стильной обуви, они равнодушно сидят с бокалами легкого вина в многочисленных французских бистро. Детей вырастили, внуками не занимаются, пенсии вполне хватает для безбедной старости...

Но у нас таких экземпляров практически нет.

– Ты хочешь сказать, – изумленно спросила я, – что эти бабуси – ночные бабочки?

Полковник кивнул:

– Вон та, слева, Шлеп-нога.

– Кто?

– Она хромая, слегка ногу подволакивает, поэтому и получила такую кличку. Историческая личность, пятьдесят лет на панели. Дочь вывела на ту же стезю, теперь внучку пасет, но и сама рада подработать копеечку.

– Господи, кто же польстится на бабушку?

– Не скажи, – протянул приятель, – есть любители. Поговаривают, что она молодежи сто очков вперед даст. Этих дам тут уважают и побаиваются, они сами по себе работают, без сутенеров.

– У каждой проститутки есть хозяин?

– Сложные вопросы задаешь, – вздохнул Александр Михайлович, – давай сначала определим, кто такая проститутка!

– Падшая женщина, предлагающая тело за деньги.

– Тут на Ленинградском рынке задержали женщину за драку, – вздохнул полковник, – выяснилось, что она представительница древнейшей профессии. Заходит в вагончик к продавцу, и за пять минут вся любовь. Кое-кто даже дверей не закрывал. По профессии – учительница. Утром сеет разумное, доброе, вечное, а вечером подвизается на оптушке. Так вот, денег не берет, только продуктами. Из-за чего в конечном итоге и произошла потасовка. Дама оценила свои услуги в банку кофе и пачку чая, а продавец хотел дать килограмм печенья. У нее никакого сутенера не было, но это редкость. Обычно все прихвачены. Знаешь, какие прибыли торговля женским телом приносит?

Мы посидели пару минут, наслаждаясь теплым апрельским вечером, и я пробормотала:

– Пока ничего не узнала. Даже калитки потайной не обнаружила.

– Растяпа, – укорил приятель, – выйди наружу и иди вдоль забора направо, до угла, только завернешь – и пожалуйста: «Сезам, откройся!» Во всяком случае, именно там он во двор и шмыгнул. Только вызвал я тебя, чтобы дать отбой. Будет лучше, если вы вообще оттуда съедете. Не нравится мне ситуация. Сначала Клюкин, потом Харитонов...

– Да эти смерти между собой не связаны.

– Не знаю, не знаю, – бормотал Александр Михайлович задумчиво, – у Клюкина установили отравление стрихнином. Причем эксперт утверждает, будто яд попал к нему в организм около часа ночи, скорее всего вместе с вином. У него, честно говоря, в желудке было одно спиртное, практически ничего не съел за весь вечер. Что там, так все невкусно было?

– Он алкоголик, запойный, – пояснила я.

Полковник вскинул брови:

– Откуда информация?

– Жена сообщила между прочим, что она Ваньку ненавидела и мечтала о его скорой смерти, надеясь на то, что ей квартира достанется, – моментально продала я Раю. – Вот, должно быть, и подсыпала дорогому муженьку в бокальчик «приправу». Небось думала, что при таком скоплении народа трудно будет догадаться, кто помог Ване переселиться на тот свет!

– Сколько человек досидело до конца?

– Не так и много. Я, Райка, Ваня, Зоя Лазарева, Никита Павлов, Татьяна – словом, одна наша группа. Остальные разбежались сразу после полуночи. Маски сняли, сфотографировались на память – и по домам. Устали, вспотели в костюмах, да и выпили порядочно. – А Харитонов?

– Что? – не поняла я.

– Депутат где был?

– Не знаю, – растерялась я, – не видела, как он маску снимал, наверное, спать лег. Вот Клюкин допился до безобразия, рыдать начал, потом у него живот заболел, все за него хватался, говорил, что язва разыгралась...

– Стрихнин вызывает боль, – задумчиво протянул Александр Михайлович, – почему врача не вызвали? Человеку плохо, а его спать повели, страшное дело!

Я так и подскочила на скамейке от негодования.

– В голову никому ничего дурного не пришло. Он твердил про язву и шатался, потом начал рыдать, и его отвели в спальню.

– Ладненько, – сказал Дегтярев, – съезжай по-быстрому в гостиницу. Считай свою деятельность законченной.

– Но я ведь ничего не узнала.

– И не надо, – твердо заявил Александр Михайлович. – Чтобы завтра уехали. Кстати, не слишком прилично гостить в доме, хозяин которого только что умер.

– Вообще-то жуть, – вздохнула я. – Когда похороны?

– Честно говоря, хоронить нечего, – объявил Дегтярев, – одни клочья.

– Сколько же тротила туда засунули?

Александр Михайлович, не отвечая на мой вопрос, спокойно наблюдал, как девицы, покачиваясь на высоченных каблуках, подходят к джипам, «девяткам» и «БМВ». Потом он довел меня до «Вольво» и отказался от предложения подвезти его.

– На работу вернусь. Здесь близко, хочу пройтись, а то сижу весь день, вон мозоль зароботал. – Он постучал по весьма объемистому брюшку.

Я завела мотор и свернула на Бронную, краем глаза отмечая, как полковник решительным шагом движется к ларьку. Решил купить себе бутылочку пивка «Балтика», третий номер. Самая подходящая микстура для похудания.

– Дарья Ивановна, – раздался за спиной тихий, но абсолютно отчетливый голос.

Совершенно не ожидая услышать ничего подобного в своем «Вольво», я в ужасе обернулась и увидела на заднем сиденье незнакомого мужчину лет пятидесяти, худощавого, темноволосого и смуглого.

– Как вы сюда попали? – закричала я, машинально отпуская руль.

– Осторожно! – воскликнул незванный пассажир, но было поздно.

«Вольво» выскочил на небольшой тротуарчик и въехал в большую витрину с надписью «Парикмахерская». Огромное стекло, разрисованное изображениями расчесок и фенов, задрожав, осыпалось на машину.

– Быстрее отъезжайте, – велел мужчина, – сейчас милицию вызовут. Ну же, шевелитесь.

Меня воспитывала крайне авторитарная бабушка, разговаривавшая с внучкой исключительно командным тоном. Поэтому, только заслышав приказ, я моментально повинуюсь.

«Вольво» понесся по улицам, вылетел на Садовое кольцо, и я наконец пришла в себя.

– Кто вы, как оказались в моей машине? Отвечайте немедленно или сдам вас первому милиционеру.

– Не узнали меня?

– Никогда вас не видела.

– Нет, видели, у Харитоновых, я шофер Олега Андреевича, Володя Костров.

Руль вновь вырвался у меня из рук, но ноги успели сработать. «Вольво» послушно замер на троллейбусной остановке. Я обернулась и во все глаза уставилась на мужика. Шофер Харитонova? Володя Костров? Господи, кто же был за рулем взорванного «Мерседеса»?

– Тише, тише, – забормотал Володя, видя, как я вновь разеваю рот, – глядите!

И он сунул мне в руки потрепанную бордовую книжечку. Паспорт. Руки машинально перелистали странички: Костров Владимир Антонович, 1947 года рождения...

Выглядел лет на десять старше и на фото совершенно на себя не похож. Но это ни о чем не говорит. Меня несколько раз задерживали в Шереметьево при вылете в Париж, так уж замечательно получаюсь на снимках.

– Но как же! – начала я заикаться. – Как, почему?

– Может, съедем с правительственной трассы? – нервно попросил Костров. – А то тут милиции полным-полно, не ровен час подойдут.

– Это вы подорвали Харитонову? – прошептала я, ощущая на спине тонкую струйку пота.

– Не несите чушь, – повысил голос Костров.

Потом он быстро вышел, распахнул переднюю дверцу машины и приказал:

– Двигайтесь.

Я перелезла на пассажирское кресло. Владимир сел за руль, и «Вольво» быстро закружил по переулкам.

В конце концов мы запарковались возле огромного серого дома. Костров вытащил сигареты. Машинально я отметила, что он тоже курит марку «Рок».

– За рулем сидел не я, – пояснил Володя.

– А кто?

– Если б знал, обязательно сообщил бы, – усмехнулся шофер.

– Как же так, – растерялась я, – ничего не понимаю.

– Все просто, – вздохнул Володя, – послушайте меня внимательно.

Оказывается, у Олега Андреевича Харитонову иногда случались таинственные встречи с клиентами. Порой он сообщал Володе:

– Сегодня сам за рулем, ты свободен.

Была только одна крайне удивлявшая мужчину странность. Олег Андреевич требовал, чтобы Володя в этот день никуда не ходил, а ждал его до вечера на специально снятой квартире.

– Все удобства мне создал, – рассказывал Костров, – две комнаты, телевизор, чай, кофе, холодильник полон, вот только телефона нет.

От Володи требовалось сидеть тихо, читать книги, смотреть сериалы и, главное, никому не рассказывать, что Олег Андреевич куда-то ездит один. В особенности Тане. Вечером депутат возвращался, и измаявшийся от безделья шофер вез его домой.

– Сначала думал, что он к любовнице сматывается, – пояснил Костров, – не хочет, чтобы я знал, где дама проживает. Потом понял: нет, не то. Зачем тогда мой костюм надевает?

– Он переодевался? – пришла я в крайнее изумление.

Шофер кивнул.

Олег Андреевич брал у него права, хотя имел собственные, и просил обменяться одеждой. Фигуры у них были одинаковые – оба высокие, поджарые, лишь размер обуви разнился. У Харитонову сорок шестой, а у Володи всего сорок второй.

– Честно говоря, первое время побаивался, – признался Костров, – не ровен час задавит кого, а мне отвечать, но потом успокоился.

Ездил Олег Андреевич аккуратно, никогда не лихачил, правила соблюдал. К тому же за каждый такой выезд Костров получал от хозяина сто долларов в карман.

– И часто он вами прикидывался?

– Раза два-три в месяц, – ответил Володя, – поэтому я и не удивился в последний раз. Ждал его, как всегда, на квартире. Сначала читал, а часов в одиннадцать вечера заснул. Думаю, придет – разбудит.

– Часто он так поздно приходил?

– Через раз. То в полночь подъедет, а то еще позже.

Костров мирно задремал, очнулся в десять утра и включил телевизор. Первая услышанная новость – сообщение о взорванном «Мерседесе» депутата и о том, что его, шофера, также считают погибшим.

– Идите в милицию и немедленно все расскажите!

Костров глянул на меня красивыми, какими-то женскими глазами.

– Да меня сразу арестуют, никто ведь не поверит!

Действительно, могут. Очень уж странно выглядит в пересказе Володи поведение депутата. Хотя, будучи известным адвокатом, Олег Андреевич тесно общался с криминальными кругами. Скорей всего, общался с авторитетами, ставящими условие: на стрелку адвокат приезжает один. Но зачем сажать мужика в квартире и прикидываться шофером? Сотни богатых мужчин обожают свои автомобили и ни за что не доверят руль никому другому.

– Какого черта вы, во-первых, залезли в мой «Вольво», а во-вторых, принялись все мне рассказывать? – обозлилась я. – Между прочим, это из-за вас я разбила витрину!

– Ну, положим, стекло кокнули потому, что руль отпустили, – усмехнулся Костров, – а насчет откровенности... К сожалению, вынужден был рассказать правду, потому что вы должны мне помочь!

– Я?!

Володя кивнул:

– Хочу как можно скорей бежать отсюда. Тот, кто убил Харитонову, может и до меня добраться.

– Вам нужны деньги?

– Нет, – ответил Костров, – слушайте внимательно. Моя мать работала директором крупнейшей московской скупки антиквариата. Потом ее посадили, но кое-какие цацки остались лежать в укромном месте. Вот если бы вы привезли мне эти похоронки...

– Где же вещи?

– На втором этаже есть зимний сад. Знаете?

– Конечно.

– Там несколько пальм в разноцветных кадках. В синей есть тайничок сбоку, вынимается одна из дощечек, внутри замшевая сумочка. Успеете до завтрашнего утра?

– Почему вообще я должна вам помогать? Попросите приятелей, вы меня всего два дня знаете, вдруг украду заначку.

Володя вновь закурил, помолчал минуту и тихо сказал:

– Конечно, рискую, обращаясь к вам. Но вы богатая женщина, похоже, порядочная, неужели польститесь на чужое имущество? Для меня сейчас единственное спасение – уехать из Москвы и скрыться. Что же касается друзей... Во-первых, не собираюсь никому рассказывать о том, как сплсся; во-вторых, ну как им проникнуть в дом к Харитоновым? Помогите, бога ради. – Видя, что я колеблюсь, он добавил: – Ведь убьют, если обнаружат. Подумают, что тайну Олега Андреевича знаю.

– Ладно, – вздохнула я, – сегодня вечером выну. Куда привезти?

– Видите серый дом?

– Да.

– Второй этаж, квартира девять. Позвоните три раза и скажите: «Принесла обещанную книгу, «Три мушкетера» Дюма».

– Вы здесь живете? – спросила я, удивляясь про себя престижности места.

– Нет, – покачал головой Костров, – здесь Олег Андреевич конспиративную квартиру снимал. Домой не поеду, боюсь, вдруг кто из соседей увидит. Значит, договорились? Во сколько придете?

– Около полудня, – пообещала я, – плюс минус пять минут.

– Пунктуальность – редкое качество для дамы, – сказал Володя и, прикрывая лицо воротником куртки, вышел на тротуар.

Я медленно покатила домой. Что-то в последней его фразе показалось мне необычным, только вот что?

Какое-то смутное подозрение промелькнуло у меня в голове. Что-то здесь было не так. Но что? Я терялась в догадках.

Как он влез в «Вольво»? Ну это, положим, просто. Профессиональному механику не составит никакого труда открыть автомобиль. Тем более что я – полная раззява: частенько забываю включить сигнализацию, просто хлопаю дверкой и убегаю. Гадкая привычка, привезенная из Парижа. Паркуясь на Елисейских Полях или на Больших бульварах, французы никогда не запирают машин. Да и зачем? В центре города нет бомжей, попрошаек или других асоциальных личностей. И магнитофон никто не вытаскивает, дворники и зеркальца не снимают... Правда, красивую дамскую сумочку или мужскую барсетку все же кладут в багажник.

Значит, влез в автомобиль, лег на пол и ждал, пока я вернусь... А как узнал, где я буду вечером? Сама не предполагала, что поеду в город. Александр Михайлович позвонил только в пять и велел срочно мчаться в центр. Успела лишь сказать Антонине:

– Тоня, я уезжаю. Когда приедут дети, скажите, что поехала на встречу с Дегтяревым.

Вот оно как! Вероятно, горничная сообщила шоферу, а тот... Но откуда выяснил, где свидание? То-то в трубке раздался странный щелчок, когда я клала ее на место! Антонина подслушивала! В доме Харитоновых полно параллельных аппаратов, чуть ли не в каждой комнате торчит по базе с трубкой... Почему же Владимир не попросил девушку достать припрятанное? К чему впутывать в деликатное дело лишнего человека, то есть меня?

«Вольво» быстро миновал поворот, я махнула знакомому гаишнику и понеслась по боковой дорожке к проходной. м, только встав у ворот, сообразила – прилетела в Ложкино. Просто по привычке действовала автоматически. Голова думала о своем, а руки и ноги работали машинально.

Развернувшись, поехала к Харитоновым. А может, слишком усложняю ситуацию? Вдруг все просто, как щелчок. Владимир решил попросить меня об услуге и караулил возле дома, увидел «Вольво», поехал за ним и стал выжидать удобный момент для разговора. Профессиональному шоферу ничего не стоит проследить за мной.

Езжу аккуратно, скоростью не увлекаюсь.

Дом Харитоновых встретил темными окнами. Казалось, никого нет. Я вошла в холл и крикнула:

– Есть кто живой?

Из коридора, словно тени, вынырнули собаки.

– Люди, ау, – продолжала я.

В ответ – полная тишина. Недоумевая, поднялась на второй этаж и поскреблась в дверь Таниной спальни.

– Да, – донесся слабый голос.

Я вошла в совершенно темную комнату и спросила:

– Что случилось?

Вспыхнул слабый ночник. В мерцающем свете возникла большая двуспальная кровать, заваленная кучей пледов, подушек и покрывал.

– Мигрень, – простонала хозяйка, выпутываясь из постельного белья, – жуть, сейчас умру, и бальзам кончился.

– Что? – не поняла я.

– Вьетнамское средство от головной боли, – пояснила, морщась, Таня, – бальзам «Ким», натираю им виски. Как назло, позавчера последние капли использовала. Ну кто мог знать, что эта зараза вновь привяжется.

Она рухнула в подушки. Я сочувственно покачала головой. Мигрень! Очень хорошо понимаю, что это такое. Самой иногда приходится страдать, напрасно пытаюсь заснуть.

– Давай съезжу в аптеку!

– Умоляю, – пробормотала Таня, – даже ехать не надо, пешком иди, тут рядом, буквально в двух шагах, купи большой пузырек.

– А где все? – поинтересовалась я, поворачиваясь к двери.

– Не знаю, – еле слышно ответила Таня, – Аркадий и Ольга как утром уехали, так и не возвращались. А Варя и Маша где-то тут.

Но девочек нигде не было видно. На кухне мрачный Емельян помешивал ложкой какую-то белую массу. На мой вопрос, где дети, повар пожал плечами:

– Понятия не имею.

Вызванная Антонина внесла ясность:

– Видела, как они куртки надели. Наверное, во дворе.

Но и в саду девочек не оказалось. Я почувствовала, как тревога закрадывается в сердце. Уже поздно, ну куда могли подеваться свиристелки? Может, решили сходить в магазин?

В аптеке, расположенной и впрямь в двух шагах от ворот, нашелся необходимый бальзам. Я подошла к кассе. На стекле белела записка: «Пропала кошка (женщина), породы сенбернар, окрас темный. Нашедшего просим вернуть в аптеку».

Подивившись редкой породе кошки, я выбила чек и получила темно-зеленую коробочку. Выйдя на улицу, пошла к видневшимся неподалеку воротам и услышала звук тормозящей машины.

Из недр такси выбрались две детские фигуры в похожих синих куртках. Маша и Варя! Я поспешила к ним.

– Несамостоятельная ты, Варвара, – говорила Маня, – раз у мамы голова болит, нечего к ней приставать. Видишь, как просто, в два счета съездили?

– Куда катались? – спросила я.

Варя вздрогнула, а Маша радостно закричала:

– Мулечка! Ты откуда?

– Из аптеки, – ответила я и показала коробочку, – ходила Тане лекарство покупать.

Маруся выхватила упаковку и принялась вертеть ее перед глазами.

– Представляешь, муся, – тархтела девочка, – Варьке столько лет, а ее никуда не выпускают. Сидит день-деньской дома, вот несчастье! – Где пропадали?

– А я Варвару в Ветеринарную академию взяла, – пояснила Маруся.

– Там так интересно, – бесхитростно сообщила Варя, – кошку в разрезе показывали, – и уточнила: – На плакате, нарисованную. Я, может, тоже на ветеринара учиться пойду, так маме и скажу. Что это она меня дома прячет?

– Правильно, – поддержала Маня подружку и спросила: – Мулечка, а что такое похюхивание?

– Что? – удивилась я. – Да вот, – ответила Маруся и сунула мне в руки коробочку с бальзамом.

Я взглядела в мелкие черные буковки: «Способы применения и дозировка: похюхивание непосредственное или ингаляция».

Да уж, возможно, на родине чудодейственного средства от головной боли «похюхивание» самое обычное дело. Но как быть бедным россиянам? Нас-то «похюхиванию» не научили ни отец, ни мать, ни школа...

– Таня знает, как пользоваться, – сказала я, опуская упаковку в кармашек куртки.

– Мама его в чай наливает, – пояснила Варя, – воняет отвратительно, но помогает здорово.

– Вот что, девочки, – велела я, – сегодня не надо беспокоить Таню. Она плохо себя чувствует, разнервничается, голова еще больше заболит. А завтра поговорим обо всем вместе. Только ты, Маня, дай честное слово, что больше никуда не повезешь Варю без разрешения.

– А я спросила у Тани, – ухмыльнулась Маня.

– Да? – удивилась я. – И как же?

– Ну, – протянула девочка, – всунула голову к ней в комнату и поинтересовалась, можно ли пойти прошвырнуться? А она бормочет: «м дите, куда хотите». Ну мы и пошли. Так что ругать нас не за что.

Хитрый Машин голубой глаз лукаво следил за моим лицом.

– Да, – встряла Варя, – спросили...

Вот безобразницы! Таня даже и предположить не могла, что они уедут в город, небось думала, что девочки бегают в саду.

ГЛАВА 7

В оранжерею я пошла, когда все улеглись спать. Тане стало лучше, но она так и не спустилась к ужину. Зайка и Аркадий, злые и уставшие, рухнули в кровать, выпив только по стакану кефира. Маша и Варя поели с отменным аппетитом. Я отметила, что дочка Харитоновых перестала угрюмо глядеть исподлобья. Девочка весело рассказывала о поразившей ее воображение «кошке в разрезе».

– Там еще муляж есть, – быстро-быстро говорила Варя, – такой интересный! Кладешь «кошке» в рот кусочек хлеба и видишь, как он внутри путешествует.

Действительно, занятно. Наконец они утихомирились и уснули. В доме воцарилась тишина, изредка прерываемая боем часов в кабинете.

Запахнув халат, я аккуратно, почти на цыпочках, добралась до зимнего сада. Тяжелая дверь легко подалась. Внутри пахло сыростью, землей и чем-то сладковатым.

Найдя нужную кадку, принялась общипывать ее со всех сторон, но дощечки держались будто влитые. От напряжения я вспотела, да к тому же широкие рукава халата страшно мне мешали.

Внезапно куст каких-то неизвестных мне экзотических растений зашевелился, и между ветками появилась плоская голова. От ужаса я чуть не грохнулась на пол, но через секунду сообразила, что вижу перед собой ручного удава.

Голова нырнула в заросли. Переведя дух, я посильней нажала на кадку, и тут же кусок деревяшки легко отскочил, открывая тайник. На свет появился тяжелый ярко-красный замшевый мешочек.

Стараясь не шуметь, я поставила дощечку на место и, повернувшись к двери, увидела у выхода невероятное существо. Почти на самом пороге сидела огромная ящерица со страшной мордой. В горле у нее что-то клокотало. Расставив когтистые лапы, она била по полу хвостом.

Варан! Таня ведь говорила, что у них в доме живут мопс, удав и гигантская ящерица. Собак не боюсь совершенно, удавы не кусаются, а вот эта рептилия! Черт знает, что у нее на уме. Какую кличку называла Таня? Топа, Степа или Капа?

– Славенький варанчик, – вкрадчиво завела я, – милый и приятный, пропусти тетеньку на выход, душенька, котик ласковый...

Варан глядел на меня немигающими глазами.

– Котик, – пела я, стараясь сообразить, как побыстрее шмыгнуть в дверь мимо дрянной ящерицы, – пусик сладенький...

Варан широко разинул пасть и раздвоенным на кончике языком моментально сгреб зазевавшуюся муху. Ну ничего себе, раз насекомых ловит, значит, мясоядный, или нет, как это правильно называется? Мясопитающийся, кровопожиратель?.. Одно понятно: слопал несчастную мушку, запросто сумеет и мной закусить. От мухи я отличаюсь только размером. Ну, крыльев нет и ног поменьше...

Внезапно рептилия бесшумно юркнула куда-то в глубь оранжереи. Подхватив полы халата, я ринулась в коридор.

м, только домчавшись до спальни, подумала: «А вернула ли я на место дощечку?»

Без двух минут полдень я звонила в дверь девятой квартиры. В ответ – тишина. Потыкав безрезультатно в пупочку звонка, я оперлась на створку, и она немедленно приоткрылась.

Из темноватого коридора пахло сыростью и холодом. Такой «аромат» прочно селится в нежилых помещениях. В квартире, где люди едят, воспитывают детей, ругаются, пахнет иначе. Иногда очень противно, но так – никогда.

За углом мрачно маячил большой темный шкаф.

– Эй, – свистящим шепотом пробормотала я, – эй, принесла книжку. Дюма, «Три мушкетера».

В ответ ни звука. Чувствуя, как в желудке мелко-мелко затряслась съеденная творожная масса, любовно приготовленная Емельяном, я двинулась по коридору в недра грязноватых апартаментов.

Квартира выглядела огромной. Комната, правда, всего одна, зато какая! Три окна уходили ввысь к потолку. А до потолка было метров пять, не меньше, в стародавние времена не экономили на кубатуре. Примерно тридцатиметровое помещение довольно густо обставлено разномастной мебелью. Кресла на тоненьких ножках, полированная «Хельга», обеденный стол, шесть стульев, диван-книжка – все явно производства 60-х годов, сильно потрепанное и ободранное.

Следом шла кухня, где запросто мог совершить посадку вертолет «Ми-8». И вновь убогая, если не сказать нищая, обстановка, даже плита допотопная – белая, эмалированная, с чугунной решеткой и «крылышками». «Газоаппарат» – стояло крупными буквами на дверце духовки. Я не встречала подобных приборов с тех пор, как подростком уехала из коммунальной квартиры!

Но самым удивительным был туалет. Унитаз походил на собачью будку, перевернутую отверстием вверх. По бокам выложены ступеньки, а бачок уютно устроился у самого потолка. Оттуда свисала железная цепь с гирькой. На блестящих боках груза красовалась надпись: «Вниз».

Я потянула ручку. Шквал воды, настоящий Ниагарский водопад с ревом и гулом обрушился в чугунную, покрытую обитой эмалью емкость. Трубы загудели.

И з-за двери ванной послышался голос:

– Кто там?

– Принесла книгу Дюма «Три мушкетера».

– Простите, не могу выйти, моюсь, – пояснил невнятный голос.

Грязная, некогда белая дверь чуть-чуть приоткрылась, и высунулась мужская рука, густо заросшая светло-рыжими волосами.

– Давайте.

Я сунула ярко-красный мешочек с золотыми шнурами в протянутую длань и поинтересовалась:

– Оно?

– Оно, оно, – подтвердил Владимир, – спасибо, всю жизнь за вас молиться стану, а теперь прощайте, уезжайте поскорей, не надо, чтобы нас случайно увидели вместе.

Я спустилась вниз, завела «Вольво», но далеко уехать не смогла. Послушный автомобиль, добравшись до поворота на Садовое кольцо, чихнул и замер. В недоумении я вылезла наружу и потыкала ногой в колеса. Вроде полагается в таких случаях открывать капот, только зачем совершать бесполезные действия, все равно не знаю, что там внутри понапихано. Впрочем, нет, слышала про радиатор, аккумулятор и вентилятор. Интересно, который из трех сломался?

Сев в салон, я вызвала аварийную службу и в тоске закурила. Ну вот, день потерян. Сначала придется ждать механиков, потом отправляться на тягаче в мастерскую. Хотя делать мне все равно нечего. От скуки я разглядывала улицу. Сквозь тонированное стекло проводить наблюдения крайне удобно. Тебя не видно, ты же имеешь полный обзор. Почему темные снаружи стекла изнутри оказываются абсолютно прозрачными – это еще одна неразрешимая для меня загадка.

Но прохожих не было. Я начала зевать и поглядывать в зеркало заднего обзора. Может, Зайка права – мне стоит поярче краситься, а то смахиваю на лабораторную мышь: личико маленькое, носик остренький, волосы светлые, бровей почти нет, и губы слились по цвету с бледным лицом. Немного помады совсем не помешает.

В зеркальце был отлично виден подъезд серого дома. Не успела я вытащить косметичку, как дверь распахнулась, и в переулок вышел высокий, рыжеватый, довольно полный мужик. Его лицо украшали красивые пшеничные усы и аккуратная бородка. Весьма объемистое брюшко выдавало любителя пива и бутербродов с копченой колбасой. В руках он держал небольшой кейс.

Мужчина не спеша пошел в сторону Садового кольца. Мой «Вольво», стоящий припаркованным у самого поворота, совершенно не удивил прохожего. За ним стоял целый ряд блестящих иномарок, принадлежащих, очевидно, жителям близлежащих зданий.

Помахивая «дипломатом», мужик повернул направо. Секунду я видела его сзади. Из портфеля свисала ярко-желтая веревка и торчал кусок огненно-красной материи. Очевидно, закрывая кейс, хозяин прищемил какую-то поклажу.

Зевнув, полезла за косметичкой, и тут мне в голову влетела мысль, и, уже держа в руках бархатную сумочку, я выскочила на улицу. Со всей возможной скоростью понеслась вслед незнакомцу. «Лестничное остроумие», так называют подобное поведение французы. А по-нашему, по-русски, мы говорим – «задним умом крепка». Кусок красной ткани и золотой шнурок! Рыжеволосый человек нес мешочек, который я только что отдала Владимиру, да и вышел он из этого подъезда.

Вылетев на Садовое кольцо, я увидела, как мужчина влезает в такси.

– Стой, – завопила я, размахивая руками, – воры!

Но машина, взвизгнув колесами, быстро понеслась в сторону площади Маяковского. Я беспомощно смотрела ей вслед. Потом в голову пришла еще одна мысль.

Владимир настаивал на тщательном соблюдении тайны, просил никому не рассказывать про убежище.

Значит, соврал, что никто не знает о конспиративной квартире... И отдал ценности!..

Быстрее молнии я полетела назад. Дверь по-прежнему оставалась незапертой, и из коридора несло нежилым запахом.

Влетев в ванную, я оказалась в большом пеналоподобном помещении. Глубокая ванна с пожелтевшей и потрескавшейся эмалью была пуста. Из допотопных железных кранов бежали струйки воды.

– Володя, – завопила я, – вы где?

Крик пронесся эхом по квартире и разбился об окна. Никого. Я прошла на кухню. На грязном полу у плиты темнела довольно большая темно-красная лужа, по линолеуму там и сям разбрызганы капли, а чуть поодаль на столе валяется угрожающе омерзительный тесак, перепачканный чем-то бордовым.

Я попятилась к выходу. Боже, Кострова убили, зарезали... И сделал это рыжеволосый полный мужик. Он же отобрал у несчастного мешочек и преспокойненько ушел, не подозревая о том, что ненужный свидетель сидит в «Вольво»!

Я выскочила на улицу и стремглав понеслась к машине.

– Эй, дамочка, – окликнул меня парень в белом комбинезоне с красной надписью на спине: «Volvo». – Ваша тачка?

– Моя, – ответила я, плохо воспринимая действительность. – Что вам надо?

– Это вам надо, – меланхолично заметил парень. – Сервис-службу вызывали?

– Да, конечно, совсем забыла!

Механик покосился на меня, поднял капот и начал напевать, через пять минут он вынес вердикт:

– Тумблер разгерметизировался.

– Починить можете?

Механик опять глянул на меня:

– Тут работы на целый день. Еще отвалился картер, смялся барабан, надломился палец, оборвался приводной ремень и выпал кардан. Небось резко тормозили.

– Вот не повезло, – вздохнула я, – хорошо, хоть радиатор и аккумулятор в порядке.

Парень хмыкнул:

– Да, это в норме.

– Сколько будет стоить?

Специалист начал задумчиво загибать пальцы.

– Значитца, так: вызов мастера, транспортировка в центр, запчасти, работа – тысячи три «зеленых». Оплачивать прямо сейчас, наличными.

Я в растерянности полезла в кошелек и достала пять сотенных бумажек.

– Никогда не вожу с собой больших наличных денег. Но вы не волнуйтесь, сейчас сниму с карточки.

Секунду механик смотрел на доллары, потом оглушительно захохотал:

– Вы и в самом деле решили заплатить такую сумму за вышеперечисленные поломки?

– А что? – удивилась я. – Сами же сказали: сломался палец, выпал кардан, разгерметизировался тумблер.

– Ой, не могу, – заливался механик, ныряя под капот, – сейчас умру. Да не бывает такого никогда, пошутил я! Вы совсем в моторе не разбираетесь?

– Потому и вызвала вас, – обозлилась я.

Механик хлопнул капотом, «Вольво» послушно заурчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.